

Горнозаводекая служба и общественная жизнь на Уралѣ въ крѣпостное время.

Ворное вѣдомство, до уничтоженія крѣпостнаго права, находилось, сравнительно съ другими вѣдомствами, въ особомъ и даже, можно сказать, исключительномъ положеніи.

Внутренняя организація громаднаго, заводскаго района Урала была устроена сообразно съ духомъ времени и его требованіями и представляла собою нѣчто цѣльное, обособленное и совершенно отличное отъ организаціи управленій другихъ вѣдомствъ.

Всѣ уральскіе заводы управлялись своимъ, горнымъ начальствомъ, имѣли свой судъ, свою полицію, военную стражу, учебныя и благотворительныя заведенія и свой контингентъ нижнихъ чиновъ и рабочихъ людей, приписанныхъ къ нимъ на правахъ крѣпостныхъ.

Не только горные инженеры, но и всѣ чиновники, мелкіе служащіе, мастеровые и работники пользовались особыми правами и преимуществами.

Для горнозаводскаго населенія было сдѣлано все возможное для того, чтобы оно было вполне обезпечено не только въ матеріальномъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. И дѣйствительно, на Уральскихъ заводахъ не замѣчалось такой бѣдности, приниженности и безпомощности, какія проявлялись нерѣдко среди крѣпостныхъ людей принадлежавшихъ помѣщикамъ.

Уже состоя на заводской службѣ, въ семидесятыхъ годахъ, слыхалъ я отъ стариковъ-мастеровыхъ, какъ они добрымъ словомъ поминали тѣ годы своей службы, которые провели на казенныхъ заводахъ, при крѣпостномъ правѣ.

Это прежнее, своеобразное и соотвѣтствовавшее требованіямъ того времени устройство горной части на Уралѣ мало кому извѣстно.

Не только лица, чуждыя горному міру, но даже большинство горныхъ инженеровъ и чиновниковъ врядъ-ли знаютъ, при какихъ условіяхъ и порядкахъ доводилось служить и жить на заводахъ нашимъ отцамъ и дѣдамъ.

Но мнѣ, до двѣнадцатилѣтняго возраста проведенному свое дѣтство въ одномъ изъ Уральскихъ заводовъ, предоставлялась полная возможность, если не изучать, то по крайней мѣрѣ наблюдать общественную жизнь всѣхъ слоевъ заводскаго населенія.

А большинство дѣтей, какъ извѣстно, крайне воспріимчиво и не лишено наблюдательности. Отъ ихъ зоркаго зрѣнія и чуткаго слуха не ускользнуть ни малѣйшія детали комедій и драмъ, разыгрываемыхъ людьми на подмосткахъ житейской сцены, и ни мысли ихъ, громко и часто безъ стѣсненія выражаемыя въ дружескихъ бесѣдахъ и словопреніяхъ.

Поэтому естественно, что я, съ пяти-шести-лѣтняго возраста, т. е. въ теченіе шести-семи лѣтъ, а именно съ 1846 по 1853 годъ, имѣлъ возможность ознакомиться съ служебнымъ положеніемъ и обязанностями горныхъ чиновниковъ, съ ихъ домашнимъ бытомъ, нравами, обычаями, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, изъ чего складывается повседневная жизнь каждого общества.

Не могъ я такъ же не пріобрѣсти нѣкоторыхъ свѣдѣній и о житьѣ-бытьѣ рабочаго люда, о его зависимомъ положеніи, его правахъ и обязанностяхъ.

Часть этихъ свѣдѣній пріобрѣталась личными наблюденіями и общеніемъ съ прислугою и низшими, подчиненными отцу, служащими. Другая же часть узнавалась изъ разговоровъ и рассказовъ ихъ, когда они, не стѣсняясь, дѣлились, въ людскихъ, между собою, и своими радостями, и своими печальми.

Тогда, въ дѣтствѣ, общественная жизнь всѣхъ слоевъ общества, а также и взаимныя между этими слоями отношенія казались обычными, и о возможности измѣненія этой жизни въ какую-либо иную не приходило даже въ голову, не только намъ, дѣтямъ, но и нашимъ родителямъ.

А между тѣмъ, достаточно было восьми-десяти-лѣтняго періода, чтобы весь строй заводской жизни измѣнился и измѣнился на столько замѣтно, что новому поколѣнію, выросшему при другихъ условіяхъ и знавшему о немъ лишь по рассказамъ, казался чѣмъ-то архаическимъ, отжившимъ и ненормальнымъ.

Вернувшись въ заводъ черезъ восемь лѣтъ изъ Петербурга, гдѣ все это время провелъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія, я сразу замѣтилъ разницу между прежнимъ и настоящимъ строемъ заводской жизни.

Да иначе и быть не могло.

Увели меня въ началѣ пятидесятихъ годовъ, когда объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости еще не было и помина, а вернулся домой въ началѣ шестидесятихъ, когда оно стало уже фактомъ свершившимся.

И, вотъ, послѣ этого, одного изъ важнѣйшихъ, въ исторіи Россійскаго государства, событія, условія заводской жизни на Уралѣ, почти неизмѣнно сохранявшіяся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, стали постепенно и незамѣтно все болѣе и болѣе видоизмѣняться и дѣлаться иными, очень мало похожими на прежнія.

Полагая, съ своей стороны, что ознакомленіе съ горнозаводскимъ бытомъ добраго стараго времени будетъ не безынтересно для читателей, я взялъ на себя трудъ печатно подѣлиться съ ними моими личными воспоминаніями и разказами старожиловъ, относящимися исключительно къ служебной и общественной жизни на казенныхъ заводахъ Урала, въ крѣпостное время.

I.

Горное вѣдомство, до конца шестидесятихъ годовъ, состояло подъ непосредственнымъ управленіемъ министра финансовъ, какъ главноуправляющаго корпусомъ горныхъ инженеровъ. Онъ управлялъ этимъ вѣдомствомъ черезъ посредство высшихъ, горныхъ учреждений, а именно: штаба корпуса горныхъ инженеровъ, департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ и мѣстныхъ начальствъ.

Въ составъ чиновъ горнаго вѣдомства входили горные инженеры и классные чиновники. Первые завѣдовали преимущественно распорядительною и искусственною частями, а послѣдніе—письмоводствомъ, хозяйственной, счетной и другими частями.

Управленію горнаго вѣдомства подлежали всѣ казенные и частные заводы и промыслы, какъ Европейской, такъ и Азіатской Россіи.

Уральскіе заводы и промыслы, сосредоточенные въ Пермской, Вятской, Оренбургской, Уфимской и Казанской губерніяхъ, подчинялись отдѣльному, мѣстному начальству.

Всѣ уральскіе казенные заводы дѣлились на шесть горныхъ округовъ, состоявшихъ, каждый, изъ нѣсколькихъ заводовъ и заводскихъ селеній.

Каждый заводъ представлялъ собою болѣе или менѣе значительный городъ, или городокъ, съ устроенными въ немъ фабриками, и

былъ надѣленъ особою дачею, состоящею изъ мѣстныхъ, пашенныхъ, сѣнокосныхъ и рудничныхъ площадей.

Къ каждому заводу, на крѣпостномъ правѣ, было приписано извѣстное число рабочихъ людей, часть которыхъ проживала въ заводѣ, а другая часть — въ небольшихъ селеніяхъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ разныхъ мѣстахъ заводской дачи. Помимо рабочихъ людей, въ заводахъ проживали еще нижніе чины линейныхъ баталіоновъ, исполнявшихъ обязанности горной стражи.

Количество народонаселенія въ горныхъ городахъ, заводахъ и заводскихъ селеніяхъ, смотря по степени ихъ значительности, составляло отъ нѣсколькихъ сотъ до двадцати пяти тысячъ и болѣе душъ обоого пола.

Контингентъ собственно заводскаго населенія состоялъ изъ нижнихъ чиновъ, мастеровыхъ и работниковъ; имъ присвоились права военнослужащихъ, а поэтому они сравнивались: первые—съ унтеръ-офицерами, а послѣдніе—съ рядовыми военной службы.

Нижніе чины занимали должности писарей, чертежниковъ, уставщиковъ, межевщиковъ, пробирщиковъ, мастеровъ, фельдшеровъ и лѣкарскихъ и аптекарскихъ учениковъ. Сообразно съ степенью образованія и исполняемыми ими обязанностями, они носили званія урядниковъ 1, 2 и 3 статьи и получали жалованье, положенное штатами. Кромѣ того, получавшимъ менѣе ста рублей въ годъ выдавался еще провіантъ: холостымъ — по два, а женатымъ — по четыре пуда въ мѣсяцъ.

Уставщики, мастера, межевщики и пробирщики, пока числились въ этихъ званіяхъ, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія. Званій же своихъ они могли лишиться только по суду.

Нижніе чины и мастеровые, совершившіе уголовное преступленіе, судились военнымъ судомъ и были освобождены отъ рекрутскаго набора и отъ всѣхъ другихъ государственныхъ податей и повинностей.

Мастеровые, кромѣ рабочей платы, получали еще провіантъ: холостые—по два и женатые—по четыре пуда въ мѣсяцъ. Семейнымъ же, кромѣ того, выдавалось еще по одному пуду на каждого малолѣтка мужскаго и женскаго пола; при чемъ на послѣдняго только до восемнадцатилѣтняго возраста.

Малолѣтками мужскаго пола считались дѣти до 15 лѣтъ. Дѣти же, отъ 15 до 18 лѣтъ, назывались подростками.

Всѣ дѣти, мальчики, съ восьмилѣтняго возраста, поступали въ заводскія школы. По окончаніи школьнаго курса, лучшія изъ нихъ, по усмотрѣнію, опредѣлялись къ занятіямъ, по письменной и другимъ частямъ, въ разные заводскія учрежденія. Остальныя же, до пятнадцатилѣтняго возраста, оставались въ школахъ.

цатилѣтнаго возраста, помогали родителямъ, въ разныхъ домашнихъ работахъ, или, въ случаѣ надобности, употреблялись въ легкія заводскія работы, исключительно денныя и продолжавшіяся не болѣе восьми часовъ въ сутки.

Во все время пребыванія въ школѣ, малолѣткамъ производилось жалованье, по 15-ти копѣекъ въ мѣсяцъ. Съ поступленіемъ же въ заводскія работы, жалованье это увеличивалось до 22-хъ копѣекъ. Кромѣ того, имъ выдавался также провіантъ: малолѣткамъ — по полтора, а подросткамъ — по два пуда въ мѣсяцъ.

Съ восемнадцатилѣтнаго возраста подростки перечислялись въ разрядъ полныхъ работниковъ.

Каждый изъ горнозаводскихъ рабочихъ, пожелавшій заняться въ заводѣ, или на сторонѣ, какимъ-либо своимъ дѣломъ, ремесломъ или торговлей, имѣлъ право нанять вмѣсто себя, за свой счетъ, годнаго работника изъ мѣщанъ, крестьянъ, или иновѣрцевъ.

Всѣ нижніе чины и мастеровые пользовались медицинскою помощью и призрѣніемъ преимущественно за счетъ завода.

Больные лѣчились на дому и въ госпиталѣ. Въ послѣдній обыкновенно поступали въ случаяхъ болѣе или менѣе серьезныхъ заболеваний. Во время пребыванія въ госпиталѣ, они получали половинное жалованье; другая же половина и провіантъ, лично имъ слѣдующій, удерживался съ нихъ за лѣченіе.

Престарѣлые, безпомощные и увѣчные содержались въ богадѣльнѣ. Если, по недостатку мѣстъ, нѣкоторые изъ нихъ не могли быть приняты, то таковымъ, хотя-бы они получали пенсіи, выдавался еще провіантъ, въ размѣрѣ, положенномъ штатами.

Собственно мастеровыми назывались работавшіе въ заводскихъ мастерскихъ и фабрикахъ.

Они дѣлились на три статьи и, сообразно съ этимъ, а также и мѣстными условіями получали слѣдующую рабочую плату: мастеравые 1-ой статьи отъ 6 до 7, второй—отъ 4 до 6 и третьей—отъ 3 до 5 копѣекъ въ день.

Заводскіе мастера, также дѣлившіеся на три статьи, получали ежегодныя, окладныя жалованья: Первой статьи—72, второй—54 и третьей—36 рублей.

Куреннымъ же мастерамъ, наблюдавшимъ за вырубкой дровъ и выжегомъ угля, полагалось еще по 10 рублей въ годъ, каждому, на разъѣзды.

Нижнимъ чинамъ и мастеровымъ, за тридцатипятилѣтнюю службу, выдавалась пенсія. Выдавали ее также и ранѣ этого срока, если увольненіе въ отставку послѣдовало вслѣдствіе болѣзни или полученныхъ ими, при исполненіи заводскихъ работъ, болѣе или менѣе серьезныхъ увѣчій.

Въ сѣнокосное время, на одинъ мѣсяцъ, всѣ мастеровые освобождались отъ работъ. Но чтобы не остановить необходимыхъ заводскихъ дѣйствій, они увольнялись не одновременно, а поочередно, сперва одна половина ихъ, а потомъ остальная.

Для исполненія всевозможныхъ, такъ сказать вспомогательныхъ работъ, внѣ завода, употреблялись непремѣнные, или урочные работники. Урочными назывались они потому, что обязаны были исполнить, въ теченіе года, извѣстную часть работы, или урокъ. Размѣры урока опредѣлялись сообразно съ мѣстными обстоятельствами, временемъ года, состояніемъ людей и свойствомъ работы.

Урочные работники подраздѣлялись на двѣ категоріи: конныхъ и пѣшихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе дѣлились, въ свою очередь, на десятки и сотни ¹⁾. Каждый десятокъ имѣлъ своего десятника, а каждая сотня—сотника.

Все же общество урочныхъ работниковъ, проживавшее въ разныхъ, принадлежащихъ заводу, селеніяхъ, имѣло особыхъ старшинъ, по одному для конныхъ и пѣшихъ.

Старшины, сотники и десятники избирались ежегодно самими работниками и утверждались: первые—начальникомъ округа, а послѣдніе—управителями.

Старшины освобождались отъ всѣхъ казенныхъ работъ. Работы за сотниковъ исполняло общество, а десятники отработывали свои уроки наравнѣ съ прочими работниками.

Эти выборные, должностныя лица обязаны были наблюдать за успѣшнымъ исполненіемъ работъ: старшина—своего общества, сотники—своихъ сотенъ и десятники—десятковъ. Въ случаѣ неисполненія работниками какой-либо работы въ обществѣ, сотнѣ, или десяткѣ, работы эти исполнялись или всѣмъ обществомъ, или сотнями и десятками.

На обязанности урочныхъ работниковъ лежало: конныхъ — доставка въ заводъ, съ мѣста заготовки, дровъ, угля, рудъ, флюсовъ и вообще всѣхъ строительныхъ и другихъ, необходимыхъ для дѣйствія заводскихъ фабрикъ, ремонта и содержанія казенныхъ зданій и прочихъ заводскихъ потребностей, принасовъ и матеріаловъ, а также перевозка металловъ и издѣлій изъ завода къ его пристани, откуда, уже сплавомъ въ баркахъ, доставлялись они къ мѣстамъ ихъ сбыта; пѣшихъ — вырубка дровъ, выжегъ угля, добыча руды и флюсовъ и т. п.

Какъ конные, такъ и пѣшіе работники получали штатное жало-

¹⁾ Въ десяткѣ и сотнѣ могло заключаться и нѣсколько болѣе десяти, или ста человѣкъ

ванье, первые по 4, а послѣдніе отъ 3 до 4 копѣекъ въ день и по два пуда въ мѣсяцъ провіанта.

Каждый конный работникъ обязанъ былъ имѣть двѣ лошади, на содержаніе которыхъ, а равно и на ремонтъ сбруи и рабочихъ экипажей, получалъ особые, добавочные, фуражные и ремонтныя деньги: первыя—по 10-ти, а послѣднія—по 6-ти копѣекъ въ день, на каждую лошадь. Изъ денегъ этихъ одна треть выдавалась ему, по третямъ года, на руки, а остальные двѣ трети, составляя его собственность, оставались при заводской кассѣ до тѣхъ поръ, пока не составлялась изъ нихъ сумма, необходимая на покупку двухъ лошадей ¹⁾, для замѣщенія отслужившихъ срокъ и сдѣлавшихся негодными для работы. Коль скоро такая сумма была скоплена, работнику выдавались на руки уже всѣ, причитающіеся на его долю, ремонтныя деньги.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда лошадь дѣлалась негодной прежде, чѣмъ скоплялась у работника достаточная для покупки новой лошади сумма, ему выдавались деньги займообразно, изъ общей, ремонтной суммы.

Кромѣ того, каждому работнику отводились покосы. Въ случаѣ неудовлетворительнаго урожая травъ, недостающая часть сѣна закупалась заводоуправленіемъ, а произведенный на это расходъ ставился на работниковъ долгомъ, который погашался незначительными вычетами изъ причитающагося имъ денежнаго довольствія.

Покупка лошадей, взамѣнъ убылыхъ, производилась, въ извѣстные сроки, большими партіями, на разныхъ, ближайшихъ къ заводу, конныхъ ярмаркахъ. Это поручалось обыкновенно или лѣсническому, или свѣдущему по конной части чиновнику, съ прикомандированіемъ къ нимъ опытныхъ мастеровъ или работниковъ.

Каждый конный работникъ, по личному желанію и съ согласія начальства, имѣлъ право или перечислиться въ лѣшіе, или перейти въ заводскія работы. Но, переходя въ другую категорію рабочихъ людей, конный работникъ обязанъ былъ предварительно сдать двухъ лошадей, съ упряжью и экипажами, своему замѣстителю, къ которому переходила также и его ремонтная сумма. Въ случаѣ же желанія удержать лошадей за собой, онъ обязанъ былъ внести въ заводскую кассу ихъ стоимость.

Изъ всего, вышесказаннаго видно, на сколько заботливо и цѣлесообразно было организовано устройство рабочаго населенія казеннаго завода.

Если среди мастеровыхъ выдѣлялось несравненно менѣе, чѣмъ

¹⁾ Отъ 38 до 46 рублей.

нынѣ, людей зажиточныхъ, богатѣевъ, за то и бѣднота, а тѣмъ болѣе нищенство проявлялись между ними, какъ весьма рѣдкія исключенія.

Всѣ они жили болѣе или менѣе домовито, хозяйственно. Домики у большинства были приличные, о двухъ избахъ, черной и чистой, а у иныхъ еще и съ горницей. При каждомъ домикѣ имѣлись огороды, доставлявшіе, на круглый годъ, необходимыя для семьи овощи. Не ощущалось недостатка и въ скотинкѣ. Въ конюшиѣ и стойкѣ каждаго домохозяина можно было увидѣть и лошадку, и коровушку, и прочую, мелкую скотину, а по дворамъ и около домовъ копошилась всевозможная, домашняя птица. Многіе имѣли даже самовары, но пили чай большею частью только по праздникамъ; а щи съ говядиной и вообще мясную нищу употребляло большинство почти ежедневно. Мужчины и женщины одѣвались чисто, опрятно, а въ праздничные дни даже нарядно и франтовато.

Словомъ, можно сказать безъ преувеличенія, что рабочій людъ на казенныхъ заводахъ Урала былъ, по возможности, достаточно обеспеченъ въ матеріальномъ отношеніи и на судьбу свою не жаловался.

II.

Кромѣ рабочихъ, заводы имѣли еще горную, лѣсную и полицейскую стражу.

Горная стража состояла изъ откомандированныхъ въ распоряженіе главнаго начальника Уральскихъ заводовъ трехъ линейныхъ баталіоновъ, составлявшихъ части отдѣльныхъ корпусовъ, Оренбургскаго и Сибирскаго. Она была распредѣлена по заводамъ частями, т. е. ротами, полуротами и четверть-ротами, смотря по тому, гдѣ и сколько нижнихъ воинскихъ чиновъ, но мѣстнымъ условіямъ, было необходимо.

Жалованье и провіантъ, по военному положенію, горная стража получала отъ заводовъ.

Обязанности нижнихъ военныхъ чиновъ заключались: въ охраненіи денежныхъ кладовыхъ и магазиновъ; въ содержаніи карауловъ при заводскихъ управленіяхъ, въ препровожденіи и охраненіи транспортовъ съ золотомъ, денежными суммами и металлами; въ содѣйствіи, въ экстренныхъ случаяхъ, заводской полиціи къ охраненію

казеннаго интереса и сохраненію порядка и безопасности и, наконецъ, въ исполненіи экзекуцій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, баталіонные и ротные командиры, а также состоявше при баталіонахъ штабъ-и оберъ-офицеры и нижніе чины обязаны были исполнять всѣ законныя требованія горнаго начальства и отдавать ему полный отчетъ.

Въ царскіе дни, горная стража, съ ротнымъ командиромъ во главѣ, въ полной, парадной формѣ, выстраивалась на площади, противъ церкви, и ожидала выхода изъ нея, послѣ молебна, горнаго начальника.

Къ этому времени собиралась обыкновенно, около церкви, изрядная толпа разнаго, заводскаго люда, особенно женщинъ и ребятишекъ, которыхъ очень занималъ этотъ, какъ они его называли, военный парадъ. А между тѣмъ, весь парадъ заключался только въ томъ, что, по выходѣ изъ церкви горнаго начальника, рота брала на караулъ, ротный командиръ подавалъ рапортъ, а начальникъ, принявъ его, поздоровавшись съ ротой и, обойдя фронтъ, отдавалъ приказаніе вести ее обратно, въ казармы.

Офицеръ командовалъ: „на плечо! Налѣво кругомъ! Вольнымъ шагомъ маршъ!“ и солдаты, стройными рядами, проходили мимо начальства и глазѣющей на нихъ публики.

Вообще служба солдатъ на заводахъ была не особенно тяжела и обременительна; имъ, какъ и заводскимъ рабочимъ, жилось недурно.

Самая тяжелая и непріятная для нихъ обязанность заключалась въ исполненіи экзекуцій.

Одинъ разъ въ жизни, когда мнѣ было не болѣе семи лѣтъ, я былъ свидѣтелемъ одной изъ такихъ экзекуцій.

Дѣти вообще очень впечатлительны, и процессъ экзекуціи произвелъ на меня такое тяжелое и сильное впечатлѣніе, что вся эта ужасная картина, со всѣми ея деталями, до сихъ поръ отчетливо и ясно сохранилась въ моей памяти.

Узнавъ, что въ такой-то день и часть, на нижней, заводской площади, будутъ наказывать палками, или прогонять сквозъ строй, одного мастерового, совершившаго какое-то тяжкое преступленіе, я, безъ спроса и тайкомъ, пробрался туда и замѣшался въ толпу зрителей.

Тамъ засталъ я слѣдующую картину: на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, въ два ряда, стояла рота солдатъ, вооруженныхъ, вмѣсто ружей, тонкими и гибкими, деревянными тростями. Около нихъ прохаживался офицеръ, и тутъ же, недалеко, находился барабанщикъ. А всю эту военную команду окружали толпы заводскаго люда.

Вскорѣ по моемъ прибытіи, въ сопровожденіи обычнаго конвола,

появился на сцену преступникъ, котораго освободили отъ кандаловъ и вообще приготовили къ экзекуціи.

Вотъ офицеръ махнулъ рукой, раздался звукъ барабана, и къ началу ряда подвели преступника. Спина его была оголена, а руки привязаны къ прикладу ружья, дуло котораго держалъ солдатикъ.

Офицеръ крикнулъ „начинай!“ Солдатъ двинулся впередъ и медленно, подъ звуки барабаннаго боя, повелъ за собою, между рядами, преступника. Солдаты взмахнули тростями, и удары ихъ, справа и слѣва, посыпались на его спину.

Сперва слышались только рѣзкій визгъ прутьевъ, да заунылая, неприятная дробь барабана. Но, вотъ, стали раздаваться стоны и вопли наказуемаго; чѣмъ дальше шелъ онъ, тѣмъ сильнѣе и пронзительнѣе они становились. Спина его, покрываясь рядами рубцовъ, дѣлалась все краснѣе и краснѣе; кровь проступила всюду и струилась по голому тѣлу; мѣстами оно было такъ сильно разсѣчено ударами прутьевъ, что клочьями отдѣлялось отъ спины и свѣшивалось наружу. Чѣмъ долѣе продолжалась экзекуція, тѣмъ угрюмѣе и мрачнѣе становились выраженія солдатскихъ лицъ. Толпы зрителей стояли безмолвно. Какое-то гнетущее чувство жалости, страха и недоумѣнія подмѣчалось на лицахъ зрителей. Почти у всѣхъ женщинъ проступали на глазахъ невольныя слезы, а изъ взволнованныхъ грудей большинства вырывались тяжелые вздохи, оханья и даже громкія всхлипыванья.

Между тѣмъ преступника продолжали водить, между солдатскими рядами, до тѣхъ поръ, пока не было дано ему назначеннаго судомъ числа ударовъ.

Это число, начиная отъ сотни, доходило до ужасной цифры — пятисотъ, тысячи и даже болѣе.

Нерѣдко случалось, что преступникъ лишался сознанія, не перенося и половины опредѣленнаго ему числа ударовъ. Тогда его отправляли въ госпиталь, залѣчивали раны и, по излѣченіи, снова подвергали экзекуціи.

Ужасная, мрачная картина! И радуется современное человѣчество, что подобныя, жестокия наказанія уже отжили свое время и отошли въ область преданій.

Лѣсная стража формировалась изъ заводскихъ мастеровыхъ и работниковъ. Она состояла изъ конныхъ и пѣшихъ лѣсовщиковъ.

Обязанности ея заключались какъ въ охраненіи лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ и пожаровъ, такъ и въ наблюденіи за правильной, въ отведенныхъ для того мѣстахъ, рубкой дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ. Кромѣ того, они, поочереди, отбывали еще, при мѣстныхъ

лѣсничихъ, ежедневныя дежурства, во время которыхъ исполняли различныя, касающіяся служебныхъ дѣлъ, порученія.

Само собой, что они, между прочимъ, а пожалуй и чаще всего, отбывали не малое число и частныхъ, домашнихъ работъ своего начальника.

Каждый конный и пѣшій лѣсовщикъ имѣлъ, для наблюденія, извѣстный участокъ лѣсной дачи.

Число всѣхъ лѣсовщиковъ опредѣлялось штатами.

Для отличія отъ другихъ должностныхъ лицъ рабочаго сословія, имъ присвоились особые металлическіе значки, или бляхи, нашивавшіеся на груди ихъ кафтановъ, или, вообще, верхняго платья.

Конные лѣсовщики получали въ годъ 12, а пѣшіе 6 рублей жалованья и, кромѣ того, первые—39, а послѣдніе—7 рублей, на обмундировку и вооруженіе.

Пожары въ лѣсныхъ дачахъ бываютъ двухъ родовъ: лѣсные и напольные.

Первыми называются, когда горитъ самый лѣсъ; они случаются въ теченіе всего лѣтняго времени. Послѣдними же — такіе, когда пламя, обхвативъ сухую траву, вѣтви и хворостъ, оставшіеся отъ вырубленныхъ деревьевъ, огненной волной несется по полянамъ, по направленію вѣтра. Напольные пожары бываютъ исключительно во время жаркой весны, когда новая, молодая трава еще только — что начинаетъ пробиваться изъ почвы.

Какъ тѣ, такъ и другіе являются слѣдствіемъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Особенно способствуютъ возникновенію пожаровъ бродяги и бѣглецы. Скрываясь отъ полиціи въ заводскихъ лѣсахъ, они, по ночамъ, зажигаютъ всегда большіе костры и, по уходѣ съ мѣстъ ночлега, оставляютъ ихъ обыкновенно или вовсе незатушенными, или затушенными недостаточно тщательно.

Небольшіе пожары, замѣченные въ самомъ началѣ ихъ, тушились обыкновенно лѣсною стражею, при помощи нѣсколькихъ, находившихся по близости, рабочихъ людей. Но, коль-соро пожаръ усиливался, то, для борьбы съ нимъ, вызывались, изъ ближайшихъ селеній, работники, въ тѣмъ болѣе большемъ количествѣ, чѣмъ большіе размѣры принималъ пожаръ.

Для прекращенія напольныхъ пожаровъ спѣшили выкапывать болѣе или менѣе широкія канавы, перпендикулярно направленію вѣтра. Пламя, дойдя до этихъ канавъ и не встрѣчая далѣе матеріала для своего питанія, вскорѣ же потухало.

Но не такъ легко было справляться съ пожарами лѣсными. Тутъ могли помочь или естественныя, среди лѣса, оголенные площади (поляны), или болѣе или менѣе широкія просѣки, спѣшно, во время

пожара, прорубаемыя работниками. Поэтому, для тушенія большихъ лѣсныхъ пожаровъ, требовалось всегда большое число рабочаго люда.

Какъ городскія пожарныя команды, забираясь, съ опасностью для своей жизни, на крыши горящихъ зданій въ потѣ лица и до крайняго истощенія физическихъ силъ, трудятся надъ отстаиваніемъ ихъ отъ огня, такъ, съ не меньшею опасностью и съ не меньшей затратой силъ, трудятся и заводскіе рабочіе, при тушеніи лѣсныхъ пожаровъ.

Я слышалъ отъ одного заводскаго лѣсничаго, лично всегда, въ серьезныхъ случаяхъ, руководившаго тушеніемъ лѣснаго пожара, какъ онъ однажды едва не сдѣлался его жертвою.

Картина этого, достопамятнаго для него пожара была, по истинѣ, эффектна и грандіозна. Пламя бушевало на пространствахъ нѣсколькихъ верстъ. День былъ вѣтренный. Громадныя, хвойныя деревья, объятые огнемъ, издавали какой-то особый гулъ и трескъ и быстро превращались въ сплошныя, огненные стѣны. Горящіе вѣтви и сучья, оторвавшись отъ своихъ стволовъ, носились въ воздухѣ и, падая дальше, въ лѣсную чащу, зажигали все большее и большее количество лѣса.

Сотни людей энергично боролись съ огнемъ, но послѣдній туго и медленно поддавался ихъ дружнымъ усиліямъ.

Появляясь то тутъ, то тамъ, верхомъ, на привычной къ пожарамъ, лошади, лѣсничій отдавалъ соотвѣтствующія обстоятельствамъ распоряженія и руководилъ работами по тушенію.

Увлеченный своею обязанностью, онъ не видѣлъ и не замѣчалъ, что положеніе его, съ каждой минутой, становилось опаснѣе и грозило весьма серьезными послѣдствіями. Дѣйствительно, пламя разрослось и стало окружать то мѣсто, гдѣ находился онъ, съ частью рабочей команды.

Къ счастью, это не укрылось отъ зоркихъ глазъ опытнаго лѣсовщика, который, не безъ труда, пробрался къ лѣсничему.

— Ваше высокоблагородіе, спасайтесь! Огонь обходитъ кругомъ! Подѣхавъ къ нему верхомъ, крикнулъ лѣсовщикъ.

Лѣсничій оглянулся и замеръ отъ ужаса: онъ стоялъ въ центрѣ огненнаго моря. Кругомъ и пламя, и дымъ, и трескъ, и гулъ стояли невообразимые.

Приказавъ рабочимъ мигомъ убираться съ этого опаснаго мѣста, онъ прищипорилъ лошадь и пустилъ ее по направленію вѣтра.

— Не туда, не туда, ваше высокоблагородіе! — крикнулъ лѣсовщикъ — тамъ не проѣхать. А, вотъ сюда, здѣсь недалеко лѣсная тропа, да и лѣсъ порѣже.

И, стегнувъ лошадь, лѣсовщикъ понесся впередъ, указывая дорогу. Лѣсничій послѣдовалъ за нимъ.

Около сотни сажень пришлось имъ мчаться между пылавшими деревьями, пока удалось достигнуть тропы. Но и тутъ еще не избѣжали они опасности. Хотя хвойный лѣсъ, между которымъ пролегала тропа, перемежался лиственнымъ и былъ значительно рѣже и мельче, но тѣмъ не менѣе горѣлъ уже почти сплошь, и казалось, не видѣлось конца этой, лежащей передъ всадниками, огненной аллеи.

Низко нагнувъ головы, для предохраненія лица отъ сыпавшихся на нихъ искръ, и едва не задыхаясь отъ густаго и ѣдкаго дыма, маршъ-маршемъ неслись они по тропѣ, пока не выбрались, наконецъ, на безопасное мѣсто.

Не дешево обошелся лѣсническому этотъ пожаръ. Не говоря уже про сожженное, во многихъ мѣстахъ, платье, онъ получилъ на столько сильные обжоги лица, шеи и рукъ, что нѣсколько недѣль долженъ былъ вылежать въ постелѣ.

Не менѣе пострадалъ и его спутникъ—лѣсовщикъ. Изъ рабочихъ тоже оказалось изрядное число пострадавшихъ отъ огня и даже болѣе или менѣе изувѣченныхъ.

Для исполненія разныхъ полицейскихъ обязанностей, при заводахъ, изъ мастеровыхъ, формировался опредѣленный, для cadaго округа, штатами, контингентъ конныхъ и пѣшихъ стражниковъ.

Первые носили казачью форму и обмундировку и назывались казаками.

Послѣдніе же именовались десятниками и будочниками.

Казаки получали въ годъ по 10 рублей жалованья и по 28 рублей 60 коп. на обмундировку и содержаніе лошади.

Десятникамъ и будочникамъ выдавалось только одно жалованье, по 7 р. 50 к. въ годъ каждому.

Какъ тѣмъ, такъ и другимъ полагался, кромѣ того, проіантъ, въ размѣрѣ, установленномъ штатами, а именно: женатымъ—по 4, а холостымъ—по 2 пуда въ мѣсяцъ.

III.

Главное управленіе Уральскими заводами, сосредоточено въ городѣ Екатеринбургѣ, который, такимъ образомъ, представляетъ собою одно- временно и горный и уѣздный городъ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, онъ считался лучше, красивѣе и больше Перми, о чемъ значилось даже и въ прежнихъ учебникахъ

географіи. Но въ настоящее время онъ уже нѣсколько уступаетъ своему губернскому городу, превосходя послѣдній лишь количествомъ народонаселенія.

По послѣдней народной переписи, въ Екатеринбургѣ значится 55¹/₂, а въ Перми—45¹/₂ тысячъ душъ обоего пола.

Проведеніе Уральской желѣзной дороги, быстро и благотворно по-мѣнявшее на всестороннее развитіе и улучшеніе губернскаго города, очень мало отразилось на его уѣздномъ соперникѣ.

Кромѣ главнаго, въ Екатеринбургѣ находилось и мѣстное управленіе Екатеринбургскимъ округомъ.

Главное горное управленіе состояло изъ главнаго начальника и горнаго правленія.

Главный начальникъ, непосредственно подчиненный министру, представлялъ собою главнаго хозяина заводовъ, директора горнаго правленія и командира и инспектора горной стражи.

Въ отношеніи военно-судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ по линейнымъ баталіонамъ, ему присвоились права начальника дивизіи. А какъ командиръ и инспекторъ баталіоновъ, онъ подчинялся командиру отдѣльнаго, Оренбургскаго корпуса.

Слѣдующую ступень административной, служебной лѣстницы главнаго горнаго управленія занималъ бергъ-инспекторъ, считавшійся помощникомъ главнаго начальника.

При главномъ начальникѣ имѣлась особая канцелярія, съ дѣлопроизводителемъ и другими, необходимыми служащими.

Главнымъ городомъ, или, какъ и по сей-часъ называютъ его, столицей Урала былъ Екатеринбургъ. Въ прежнее крѣпостное время, онъ считался очень богатымъ городомъ. Благодаря золотопромышленникамъ, крупнѣйшіе изъ которыхъ проживали въ немъ постоянно, онъ украсился многими видными частными домами и дачами.

Благодаря этому же обстоятельству, и общественная жизнь его текла широко, шумно и весело.

Остальные горные городки, или центральные заводы горныхъ округовъ, мало чѣмъ отличались другъ отъ друга и отъ большинства порядочныхъ, второстепенныхъ, уѣздныхъ городовъ. Одни были побольше и красивѣе, а другіе—поменьше и похуже.

Также разнились они и по числу народонаселенія, которое составляло отъ 10 до 15 тысячъ и даже болѣе душъ обоего пола.

Составъ общества въ каждомъ горномъ городѣ былъ почти одинаковъ и состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: горнаго начальника, его помощника, управителя, механика, одного или двухъ заводскихъ смотрителей и нѣсколькихъ практикантовъ.

Это все были горные инженеры.

За ними слѣдовали горные чиновники, а именно: второй членъ и секретарь главной конторы, чиновникъ разныхъ порученій, архитекторъ, полицеймейстеръ, горный исправникъ; аудиторъ, смотритель окружнаго училища и смотрители магазиновъ, провіантскаго, припаснаго и металлическаго. Послѣднія три хотя и низшія, сравнительно, но выгодныя, въ матеріальномъ отношеніи, заводскія должности замѣщались, въ прежнее время, преимущественно лицами, учившимися въ Горномъ корпусѣ, но не кончившими тамъ курса и выпущенными изъ него безъ чина, или же съ чинами XIV-го и XII-го класса.

Далѣе шли старшій и младшій лѣкари, аптекаръ, старшій и младшій лѣсничіе, старшій и младшій артиллерійскіе пріемщики, баталіонный ¹⁾ и ротный командиры, и положенное при нихъ число офицеровъ.

Для наблюденія за изготовленіемъ артиллерійскихъ снарядовъ и для пріема ихъ, отъ заводууправленій, было откомандировано нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ, на тѣ изъ Уральскихъ заводовъ, гдѣ они изготовлялись.

Всѣ эти офицеры, называвшіеся старшими и младшими пріемщиками, подчинялись своему, мѣстному начальнику — главному пріемщику, имѣвшему резиденцію въ Екатеринбургѣ.

Что же касается до военныхъ офицеровъ, то они имѣлись только въ тѣхъ горныхъ городахъ, гдѣ были расквартированы цѣлыя роты... Въ остальныхъ же, гдѣ стояли половина, или четверть роты, находилось по одному только офицеру, считавшемуся командиромъ этихъ частей.

Кромѣ того, въ каждомъ центральномъ заводѣ проживалъ еще доврѣнный откупа, который, по своему положенію и довольно крупному окладу содержанія, игралъ не послѣднюю роль въ заводской общественной жизни.

Всѣ, перечисленные выше лица, съ ихъ семействами, составляли, такъ сказать, высшій кругъ общества, къ которому принадлежали также и священники.

Отдѣльные, маленькіе заводы имѣли видъ небольшого уѣзднаго городка, или болѣе или менѣе значительнаго села, съ населеніемъ, не превышавшимъ трехъ-четырехъ тысячъ.

Очень небольшое общество ихъ состояло изъ управителя, смотрителя, младшаго лѣкаря, лѣсничаго и одного или двухъ священниковъ.

Въ заводахъ, изготовлявшихъ артиллерійскіе снаряды, кромѣ того, проживалъ еще артиллерійскій пріемщикъ.

¹⁾ Баталіонные командиры были только въ трехъ пунктахъ: въ г. Екатеринбургѣ, Златоустовскомъ и Кушвинскомъ заводахъ.

Только въ Міасскомъ и Березовскомъ заводахъ, да на Турьинскихъ мѣдныхъ рудникахъ общество было нѣсколько больше, ибо, къ перечисленнымъ должностнымъ лицамъ тамъ прибавлялись еще: помощникъ управителя, нѣсколько горныхъ смотрителей, изъ инженеровъ и чиновниковъ, горный исправникъ, секретарь и полицеймейстеръ.

Къ среднему кругу общества принадлежали всѣ остальные мелкіе чиновники и урядники первой статьи ¹⁾, занимавшіе штатныя и болѣе видныя должности въ главной и заводской конторахъ и другихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ.

Эти личности никогда не переступали границы высшаго круга и появлялись въ домахъ послѣднихъ исключительно лишь по дѣламъ службы, для личныхъ докладовъ своему непосредственному начальнику, или за полученіемъ отъ него какихъ-либо распоряженій.

Смотря по занимаемой ими должности, они принимались послѣднимъ или въ передней, или въ кабинетѣ; дѣловой разговоръ вели, стоя на почтительномъ разстояніи отъ начальника, а если болѣе заслуженному изъ нихъ и предлагалось имъ садиться, то садился онъ какъ-то неловко, робко и при томъ на самый кончикъ стула.

Вообще горные инженеры и высшіе чиновники держали себя съ низшими должностными лицами нѣсколько свысока, но не рѣзко и грубо, а скорѣе степенно и благодушно.

Въ разговорѣ всѣхъ вообще начальствующихъ лицъ съ своими подчиненными звучалъ всегда какой-то особый покровительственно-начальническій тонъ, при чемъ первыя, обращаясь къ послѣднимъ, хотя-бы даже имѣвшимъ классныя чины, говорили имъ обыкновенно „ты“.

Впрочемъ, такое обращеніе, въ доброе, старое время, начальниковъ съ подчиненными было обычно, не только въ горномъ, но и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, и нисколько не шокировало и не унижало послѣднихъ.

Вся суть заключалась не въ мѣстоименіи ты и вы, а въ самомъ тонѣ, которымъ произносились эти мѣстоименія.

Иное, грубое ты, сказанное ласково и привѣтливо, куда какъ пріятнѣе звучало въ ушахъ подчиненнаго, чѣмъ вѣжливое вы, произнесенное съ ироніей, сарказмомъ или явнымъ презрѣніемъ.

¹⁾ Званіе, соответствующее канцелярскому служителю.

IV.

Высокій постъ главнаго начальника горныхъ заводовъ хребта Уральскаго ¹⁾, въ теченіе четверти вѣка, съ начала 30-хъ и до конца 50-хъ годовъ, занималъ генераль-отъ-артиллеріи, Владиміръ Андреевичъ Глинка.

Власть его была, можно сказать, почти независима и чрезвычайно обширна.

Назначенія, награды, увольненія, административныя взысканія, преданіе суду, словомъ, вся служебная участь всѣхъ чиновъ главнаго и мѣстнаго управленій Уральскихъ заводовъ зависѣла отъ усмотрѣнія и воли главнаго начальника.

Онъ ежегодно обязанъ былъ объѣзжать заводы, какъ для наблюденія за ихъ состояніемъ и успѣшнымъ выполненіемъ работъ, такъ и для разъясненія на мѣстѣ всевозможныхъ недоразумѣній и затрудненій.

Пріѣздъ Глинка въ заводскій округъ представлялъ для послѣдняго ненормальное событіе и ожидался, каждый разъ, со страхомъ и трепетомъ, всѣми служащими, за исключеніемъ развѣ только горныхъ начальниковъ, которые, сравнительно съ прочими должностными лицами, считались болѣе, или менѣе самостоятельными и прочно поставленными въ своемъ округѣ.

Встрѣча Владиміру Андреевичу устраивалась всегда самая торжественная.

Уже за нѣсколько недѣль до его пріѣзда, всѣ казенныя зданія тщательно ремонтировались, заводскія площади очищались отъ сора и хлама, внутри фабрикъ водворялись чистота и порядокъ; словомъ, всюду, куда только могъ заглянуть глазъ его превосходительства, красилось, бѣлилось, мылось и принимало какой-то особый чисто праздничный видъ.

Хотя, строго говоря, эти объѣзды или обозрѣнія заводовъ должны были представлять собою нѣчто въ родѣ внезапныхъ ревизій и совершаться безъ предупрежденія мѣстнаго начальства о времени прібытія въ округъ главнаго начальника,—но въ канцеляріи послѣдняго были свои, знакомые люди и каждый разъ заблаговременно извѣщали горныхъ начальниковъ о предполагаемомъ выѣздѣ главы Урала изъ Екатеринбурга, съ приложеніемъ подробнаго и точнаго маршрута.

За несуществованіемъ въ прежнее время телеграфныхъ сообщеній, горные начальники, дня за два, за три до пріѣзда Глинка, выста-

¹⁾ Официальное названіе должности

вляли нарочныхъ, которые, начиная съ крайняго пункта границы округа и вплоть до его центрального завода, представляли собою передаточную, съ 8—10-ти верстными перерывами цѣпь.

Едва поѣздъ главнаго начальника показывался у границы округа, гдѣ ожидали его, выѣхавшіе ему навстрѣчу, старшій лѣсничій и горный исправникъ, какъ первый нарочный мчался уже во весь духъ до мѣста расположенія слѣдующаго нарочнаго, который, выслушавъ извѣстіе, летѣлъ, въ свою очередь, далѣе.

Такимъ образомъ вѣсть о пріѣздѣ главнаго начальника въ центральный заводъ округа опережала его по крайней мѣрѣ на часъ, или полтора, не смотря на то, что его превосходительство, благодаря выставленнымъ подставамъ и лихимъ ямщикамъ, ѣхалъ чрезвычайно быстро, по тщательно исправленной заблаговременно дорогѣ, дѣлая въ часъ верстъ 18—20 и даже болѣе.

Съ самаго утра въ день ожидаемаго пріѣзда начальства, всѣ заводскіе служащіе находились въ замѣтной ажитациі.

Полицеймейстеръ, на парѣ, съ пристяжкой, сопровождаемый двумя верховыми казаками, рыскалъ по улицамъ, зорко высматривая малѣйшую неисправность и съ чрезмѣрнымъ усердіемъ всюду проявляя свою распорядительность.

Заводскіе надзиратели и старшіе мастера суетились, въ свою очередь, въ фабрикахъ и мастерскихъ, гдѣ приходила уже къ концу генеральная чистка внутри зданій и на площадяхъ, производившаяся тамъ и сямъ группами маляровъ, плотниковъ и рабочихъ.

Мальчишки и дѣвочки заводскихъ училищъ и школъ, съ своими наставниками, толпились уже въ просторныхъ оградахъ учебныхъ заведеній.

Даже больные, въ госпиталѣ, и богадѣльщики, въ богадѣльнѣ, казались возбужденными и озабоченными.

Не одинъ разъ заѣзжалъ въ заводскія фабрики управитель, торопя подчиненныхъ скорѣйшимъ окончаніемъ приведенія въ надлежащій порядокъ зданій и площадей и лично слѣдя за точнымъ исполненіемъ всѣхъ отданныхъ имъ, на сей предметъ, распоряженій. Изъ фабрикъ спѣшилъ онъ въ контору, гдѣ заготовлялся почетный рапортъ, а изъ конторы къ горному начальнику, съ донесеніемъ о всемъ томъ, что имъ сдѣлано по своей части.

Всѣ горные инженеры, въ полной парадной формѣ, въ однобортныхъ, съ фалдами, мундирахъ, съ серебрянымъ шитьемъ по бархатнымъ, съ синими выпушками, воротнику и обшлагамъ, съ такими же эполетами и шарфомъ, съ двумя длинными кистями, при шпагѣ на лѣвомъ боку и въ трехъ-угольныхъ шляпахъ съ султанами; лѣсничіе въ такихъ же мундирахъ, съ серебрянымъ, по зеленымъ, суконнымъ

воротнику и обшлагамъ, шитьемъ, въ довольно высокихъ, лаковыхъ, съ серебряною арматурою, киверахъ; артиллерійскіе пріемщики и офицеры мѣстной воинской команды въ современныхъ формахъ; горные чиновники, въ синихъ, съ высокими, черными бархатными воротниками, съ золотымъ шитьемъ, мундирахъ и въ трехъ-угольныхъ, безъ султановъ, шляпахъ; всѣ эти лица, то пѣшкомъ, то въ экипажахъ, проходили и проѣзжали по главнымъ заводскимъ улицамъ.

Одни изъ нихъ направлялись къ фабрикамъ, другіе—къ конторамъ и прочимъ учрежденіямъ, третьи—къ дому горнаго начальника.

Менѣе же занятые служебными обязанностями заѣзжали на часокъ къ знакомымъ, потолковать о пріѣздѣ начальства, пропустить за компанію, рюмку-другую водки и подкрѣпить свои силы, приготовленной на скорую руку, хозяйкой, простою, но сытною закускою.

Словомъ, въ такіе дни, въ центральномъ заводѣ, царило всегда необыкновенное оживленіе и движеніе, невольно заражавшее и остальныхъ его обитателей.

Мелкіе служащіе, мастеровые, ихъ жены, дочери и вся заводская дѣтвора тоже повысыпала изъ своихъ домовъ и заполняла тѣ улицы, но которымъ долженъ былъ прослѣдовать поѣздъ высокаго гостя.

На границѣ дачи округа встрѣчали его старшій лѣсничій и горный исправникъ, съ конными лѣсовщиками и казаками, а при въѣздѣ въ заводъ, у существовавшихъ въ прежнее время заставъ,—полицеймейстеръ, съ сопровождавшими его, двумя полицейскими стражниками.

Принявъ отъ послѣдняго почетный рапортъ, Глинка мчался далѣе, по заводскимъ улицамъ, гдѣ его привѣтствовали толпы но-прасудничному разодѣтаго рабочаго люда, и останавливался, наконецъ, у дома горнаго начальника, который ожидалъ его на парадномъ крыльцѣ, и также съ почетнымъ рапортомъ.

Молодцовато, слегка поддерживаемый адъютантомъ, выходилъ изъ дормеза Владиміръ Андреевичъ и принималъ рапортъ отъ начальника округа. Затѣмъ, поздоровавшись съ послѣднимъ, въ сопровожденіи его и прочей свиты, бодро и высоко неся голову, входилъ въ залъ, гдѣ представлялись ему остальные горные военные и гражданскіе чины мѣстнаго управленія.

Далѣе слѣдовали, одно за другимъ, завтракъ, обзорѣніе заводскихъ фабрикъ и учреждений, парадный обѣдъ, вечерній чай и ужинъ.

А на другой день, не менѣе торжественно, т. е. въ полныхъ же парадныхъ формахъ, весь служащій персоналъ провожалъ главнаго начальника и разставался съ нимъ до слѣдующаго его пріѣзда.

Лично извѣстный императору Николаю I-му и имѣвшій въ Петербургѣ значительныя связи, Владиміръ Андреевичъ Глинка пользовался большими полномочіями и громадною властью.

Такія полпомочія и власть были, какъ бѣльмо на глазу, крайне непріятны современному Глинкѣ, пермскому губернатору Огареву, считавшему себя единственнымъ властелиномъ всей губерніи.

Немудрено, что оба эти начальника, будучи одинаково властолюбивы, какъ два медвѣдя въ одной берлогѣ, плохо уживались между собою и ревностно, гдѣ только можно, отстаивали прерогативы своей власти. Подобныя отношенія порождали между ними нерѣдкія недоразумѣнія и столкновенія по дѣламъ службы.

Этимъ антагонизмомъ начальниковъ края частенько пользовались приближенные къ нимъ лица и, при случаѣ, науськивали другъ на друга.

Такъ, между прочимъ, кто-то изъ губернскихъ чиновниковъ, въ присутствіи Огарева, намѣренно преувеличилъ власть Глинки и вліяніе его на Уралѣ.

Огаревъ вспыхнулъ и возразилъ:—Да, да, конечно, и у него есть власть, но меньше, гораздо меньше, мой милый:—Онъ—начальникъ только хребта, а я всей—шкура.

Это удачное выраженіе долго ходило по всему Уралу и, разумеется, было своевременно сообщено и Владиміру Андреевичу.

Послѣдній въ долгу не остался и находчиво отпарировалъ его, въ свою очередь, слѣдующимъ изреченіемъ:

— За то хребетъ-то здоровый, по пяти губерніямъ растянулся.

Антагонизмомъ этихъ двухъ начальствовавшихъ на Уралѣ лицъ пользовались нерѣдко разныя мелкіе чиновники.

Выгнанные со службы Глинкой спѣшили въ Пермь, къ Огареву, съ жалобой на причиненную, будто-бы, имъ обиду и несправедливость и съ почтительнѣею просьбою не допустить гибели безвиннопострадавшаго.

Точно такъ же поступали и терпящіе мѣста у Огарева, прибѣгая къ заступничеству Глинки.

И подобныя просьбы большею частію уважались враждующими между собою начальниками, и часто негодные и плутоватые чиновники получали приличныя и выгодныя должности.

Въ данномъ случаѣ, старинная поговорка „папы дерутся—у хлопцовъ чубы трещать“ не всегда оправдывалась. Напротивъ, иные хлопцы, благодаря этому, бывали не по заслугамъ взысканы и облагодѣтельствованы.

Въ заключеніе настоящей главы, скажу нѣсколько словъ о современникѣ и соперникѣ Владиміра Андреевича, тайномъ совѣтникѣ Ильѣ Ивановичѣ Огаревѣ, который, по своему характеру, во многомъ походилъ на Глинку.

Илья Ивановичъ пятнадцать лѣтъ управлялъ Пермской губерніей и оставилъ по себѣ добрую и свѣтлую память.

Онъ, всѣми мѣрами, способствовалъ соединенію общества, въ которомъ держалъ себя просто и привѣтливо; принималъ участіе во всѣхъ его развлеченияхъ и удовольствіяхъ; никогда не отказывался быть крестнымъ, или посаженнымъ отцомъ у дѣтей своихъ чиновниковъ; заѣзжалъ къ нимъ иногда запросто и не отказывался отъ, предложенныхъ хозяйкой, чашки кофе, или стакана чая.

Человѣкъ одинокій, онъ очень любилъ дѣтей и доставлялъ имъ не мало развлеченій, устроявая у себя для нихъ танцевальныя и костюмированныя вечера и гулянія, съ разными играми, въ большомъ саду при губернаторскомъ домѣ.

Будучи попечителемъ частнаго пансіона благородныхъ дѣвицъ, Огаревъ часто посѣщалъ это заведеніе. Онъ зналъ всѣхъ его воспитанницъ и помогалъ тѣмъ изъ нихъ, которыя, по недостатку средствъ родителей, были не въ состоявіи удовлетворять нѣкоторыя изъ своихъ нуждъ и потребностей.

Не говоря уже о конфектахъ, которыя онъ посылалъ или лично привозилъ пансіонеркамъ, бѣднѣйшимъ изъ нихъ онъ дѣлалъ, на свой счетъ, къ танцевальнымъ или костюмированнымъ вечерамъ, нарядныя туалеты и костюмы. На его же счетъ постоянно воспитывалось въ пансіонѣ нѣсколько недостаточныхъ дѣвочекъ, которыхъ онъ снабжалъ необходимыми учебными пособіями, а инымъ доставлялъ даже и платье и обувь.

Все это я сообщаю объ Огаревѣ, не по рассказамъ другихъ, а какъ очевидецъ, ибо, въ концѣ 40-хъ годовъ, мнѣ девяти-лѣтнему мальчику, довелось прожить въ Пермѣ болѣе полугода, у одного изъ учителей гимназіи, подготовлявшаго меня къ поступленію въ это заведеніе. Маленькій сынишка этого учителя былъ крестникомъ Ильи Ивановича ¹⁾, который поэтому изрѣдка заѣзжалъ къ нему и имѣлъ возможность лично познакомиться съ губернаторомъ.

Благодаря этому обстоятельству, я также изрѣдка принималъ участіе въ устраиваемыхъ имъ танцевальныхъ вечерахъ и прочихъ дѣтскихъ забавахъ и развлеченияхъ.

За все это, за его привѣтливость, доброту и вниманіе къ положенію своихъ подчиненныхъ, Огаревъ пользовался любовью и симпатіей всей губерніи и широкою, въ предѣлахъ ея, популярностью.

¹⁾ Имя я хорошо помню; отчество же не совсѣмъ, а потому прошу не взыскать, если въ немъ ошибся.

V.

Владиміръ Андреевичъ Глинка былъ человѣкъ общественный, а потому старался соединить общество и заботился о томъ, чтобы оно въ часы досуга, такъ или иначе, развлекалось и не скучало.

Раза два въ году, онъ задавалъ екатеринбургскому обществу, у себя на дому, великолѣпныя балы, на которые, со всѣхъ заводовъ, съѣзжались горные инженеры, преимущественно молодежь. Въ этихъ случаяхъ имъ давались обыкновенно какія-либо казенныя командировки.

На балахъ своихъ Глинка былъ всегда крайне радушнымъ и любезнымъ хозяиномъ; занималъ свѣтскимъ разговоромъ дамъ и дѣвицъ, особенно хорошенькихъ, и открывалъ, съ одною изъ нихъ, балъ, выступая молодцовато, во главѣ полонеза.

Но, принимая у себя, и самъ не отказывался отъ приглашеній, охотно посѣщая устраиваемыя разными лицами вечера, балы и обѣды. Послѣдніе онъ даже очень любилъ, ибо былъ большимъ гастрономомъ и охотникомъ покушать, но покушать, не простыя, заурядныя, а изысканныя и вкусныя блюда. Поэтому, когда онъ объѣзжалъ заводы, каждый начальникъ и управитель, первымъ дѣломъ, озабочивались на счетъ обѣда, стараясь приготовить его, сообразно со вкусомъ своего принципала.

И курьезные же случаи бывали иногда, благодаря этимъ обѣдамъ, а, главнымъ образомъ, неумѣренному аппетиту Владиміра Андреевича, который нерѣдко испытывалъ, послѣ нихъ, не только тяжесть, но и легкое расстройство желудка.

Усѣвшись въ дорожный дормезъ, катитъ онъ, бывало, послѣ одного изъ такихъ сытныхъ и вкусныхъ обѣдовъ, въ веселомъ и благодушномъ настроеніи духа, изъ какого-нибудь завода въ другой, на пути лежащій, и заводитъ рѣчь съ своимъ, неизмѣннымъ спутникомъ—адъютантомъ.

— А вѣдь обѣдъ-то былъ недуренъ, любезнѣйшій? спрашиваетъ онъ, между прочимъ.

— Очень даже, ваше превосходительство, отвѣчаетъ почтительно адъютантъ.

— Да, да. Видно, что Петровъ хорошій хозяинъ. А кто хорошо ведетъ домашнее хозяйство, тотъ съумѣетъ вести и заводское. Вѣдь у него все, кажется, было исправно?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Надо будетъ дать ему, къ Пасхѣ, награду. Отмѣть-ка, любезнѣйшій, въ записной книжкѣ.

— Слушаю-съ.

Адъютантъ вынималъ изъ кармана книжку и вносилъ въ нее распоряженіе генерала.

А генераль, подѣ влияніемъ плавно качавшагося, рессорнаго экипажа, начиналъ сладко подремывать.

Но, вотъ, отъ качки ли дормеза, или отъ неумѣренной ѣды за обѣдомъ, Владиміръ Андреевичъ начинаетъ ощущать въ желудкѣ что-то неладное, не то боль, не то спазмы. Онъ просыпается, морщится и начинаетъ ворчать.

— Чортъ знаетъ, что такое! Чѣмъ это накормилъ насъ Петровъ? не то спрашивая, не то самъ съ собою разсуждая, недовольнымъ тономъ говорить Глинка.

Адъютантъ молчитъ.

— Что-нибудь да было не такъ. Навѣрно масло не свѣжее. А? Ты не замѣтилъ, любезнѣйшій? обращается онъ къ своему спутнику.

— Нѣтъ, не замѣтилъ, ваше превосходительство.

— Немудрено, вѣдь ты плохой гастрономъ. А я тогда же замѣтилъ, что въ соусѣ спецій было много... Это не даромъ. чтобы замаскировать несвѣжесть масла. Фу, чортъ, какъ больно! хватаясь за животъ, вскрикиваетъ Владиміръ Андреевичъ.

— Не прикажете ли остановиться, ваше превосходительство?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Скоро станція. А ты, любезнѣйшій, вычеркни-ка Петрова. Не дамъ ему награды... Плохой хозяинъ... Чортъ знаетъ, чѣмъ накормилъ... Вѣрно, и въ заводѣ такіе же порядки...

Адъютантъ опять вынимаетъ изъ кармана записную книжку и зачеркиваетъ въ ней сдѣланное ранѣе распоряженіе начальника.

Кромѣ страстишки хорошо и плотно покушать, Владиміръ Андреевичъ не лишенъ былъ и другихъ, маленькихъ, общечеловѣческихъ слабостей.

Любилъ онъ полюбозничать съ дамами и барышнями, разумѣется, молоденькими и хорошенькими; любилъ, послѣ сытнаго обѣда, или во время танцевальныхъ и другихъ семейныхъ вечеровъ, поиграть въ карты, преимущественно въ бостонъ, и при томъ съ постоянными своими партнерами; имѣлъ своихъ любимцевъ и нелюбимцевъ, изъ которыхъ первые всегда и во всемъ преуспѣвали и награждались далеко не по заслугамъ, а послѣдніе, наоборотъ, какъ-бы затирались и были частенько обходимы повышеніями по службѣ и другими наградами.

Но, впрочемъ, послѣдняя слабость проявлялась очень умѣренно, а въ отношеніи нелюбимцевъ—даже и весьма рѣдко. Поэтому, за двадцатипяти-лѣтнее управленіе Глинкой Уральскими заводами, можно было насчитать не болѣе десятка служащихъ, которые были имъ недовольны и ругали его, разумѣется, заглазно.

Онъ былъ доступенъ для каждаго. Никогда не отказывался, если кто-либо изъ чиновниковъ и купцовъ обращался къ нему съ просьбою быть крестнымъ отцомъ новорожденнаго, или посаженнымъ отцомъ у вступающихъ въ бракъ дѣтокъ.

Такимъ образомъ, за четверть вѣка, крестниковъ и крестницъ Владиміра Андревича, а также лицъ, которыхъ онъ благословлялъ передъ ихъ бракосочетаніемъ, приходилось считать чуть не сотнями.

Нерѣдко случалось видѣть Глинку благодушно возсѣдающимъ на диванѣ простенькой гостиниой какого-либо маленькаго и скромнаго чиновника, который, по случаю именинъ крестника или крестницы Владиміра Андреевича, почтительно просилъ его удостоить честию откупать имениннаго пирога.

Мало того, что Глинка никогда почти не отказывался отъ подобнаго приглашенія, но являлся еще не съ пустыми руками, а съ какимъ-либо приличнымъ и цѣннымъ подаркомъ.

А къ любимцамъ своимъ. къ какому бы кругу общества они ни принадлежали, онъ заѣзжалъ иногда и запросто, безъ всякаго съ ихъ стороны приглашенія.

Любилъ также Владиміръ Андреевичъ, чтобы всюду, гдѣ только можно, соблюдалась симметрія. Сохрани Богъ, если, въ конторахъ, или канцеляріяхъ, онъ увидитъ, что столъ поставленъ не по срединѣ стѣны, или стоятъ рядомъ два шкафа у одной стороны послѣдней, а остальная часть занята стульями; сейчасъ же замѣтитъ и дастъ распечку.

За исправное состояніе заводовъ онъ милостиво изъяснялъ свою благодарность мѣстному начальству. Но за то, за всякую неисправность, иногда даже совершенно незначительную, кричалъ на подчиненныхъ и нещадно мылил ихъ повинныя головы.

Такъ, однажды, подѣзжалъ онъ, сопровождаемый обычною свитою, къ К—му заводу, передъ вѣздомъ въ который, на разстояніи около версты, по обѣимъ сторонамъ дороги, были посажены липы, огороженные на всемъ протяженіи сквознымъ деревяннымъ заборчикомъ.

А какъ, мѣстами, заборчикъ этотъ былъ поломанъ, то, незадолго до пріѣзда Глинки, былъ тщательно починенъ, а починенныя части подкрашены подъ цвѣтъ стараго дерева.

Это было сдѣлано съ цѣлью не дать замѣтить начальству, что ремонтъ былъ произведенъ недавно и, разумѣется, въ виду его ожидавшагося пріѣзда.

Но, или подкраска вышла не особенно удачной, и цвѣтъ новыхъ деревянныхъ частей довольно замѣтно разнился отъ цвѣта старыхъ, или Владиміръ Андреевичъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, только обстоятельство это было имъ замѣчено.

— Стой! крикнулъ онъ ямщику.

Дормезъ остановился.

— Старшаго лѣсничаго! приказалъ Глинка.

Адъютантъ вышелъ изъ дормеза и подбѣжалъ къ слѣдующему за нимъ экипажу, въ которомъ ѣхалъ лѣсничій, и передалъ ему приказаніе генерала.

Лѣсничій поспѣшно зашагалъ къ генеральскому дормезу и, приложивъ руку къ киверу, почтительно остановился передъ главнымъ начальникомъ.

— Это что, любезнѣйшій? спросилъ послѣдній, указывая рукою на липы.

— Липы, ваше превосходительство.

— Вижу, что липы. Я не о нихъ, а о загородкѣ. Почему она разнаго цвѣта?

— Однѣ части старыя, посѣрѣвшія отъ времени, а другія, новыя, подкрашены подъ цвѣтъ стараго дерева. Поэтому...

— И скверно подкрашены, прервавъ объясненіе лѣсничаго, продолжалъ, горячася, Глинка. Такъ нельзя... Это—небрежность, упущенье!

— Невозможно найти здѣсь, ваше превосходительство, такихъ маляровъ, которые бы сѣумѣли искусно составлять цвѣта, оправдался лѣсничій.

— Вздоръ! Все возможно, лишь было бы радѣнье, а не дѣлалось все кое-какъ, спустя рукава.

— Смѣю увѣрить, ваше превосходительство, что маляры старались, но не смогли. Надо быть художникомъ, чтобы изъ смѣси красокъ составить натуральный цвѣтъ стараго дерева.

— Э-ге, любезнѣйшій! Да ты еще разсуждать вздумалъ... оправдываться. Это тебѣ даромъ не пройдетъ. Я научу, какъ надо служить... Ты у меня будешь вѣчнымъ штабсъ-капитаномъ... Ни шагу впередъ... Слышишь! Такъ и знай! все болѣе и болѣе горячася и возвышая голосъ, разносилъ старшаго лѣсничаго Владиміръ Андреевичъ.

Изливъ на главу подчиненнаго весь свой начальническій гнѣвъ, Глинка жестомъ отпустилъ лѣсничаго и крикнулъ ямщику: пошелъ!

Генеральскій дормезъ, а за нимъ и другіе экипажи помчались далѣе и остановились у дома горнаго начальника, гдѣ произошла, уже описанная нами, въ предъидущей главѣ, встрѣча главнаго начальника съ заводскими служащими.

Побѣдивъ и походивъ нѣсколько часовъ, послѣ завтрака, по заводу и обозрѣвъ всѣ его учрежденія, Владиміръ Андреевичъ, благодушный и довольный, возсѣдалъ за обѣденнымъ столомъ, по правую руку хозяйки.

Обѣдъ былъ офиціальный. На немъ присутствовали всѣ инженеры, лѣсничіе, артиллерійскіе и военные офицеры и высшіе горные чиновники.

Въ началѣ обѣда, какъ всегда, всѣ вели себя тихо и молчаливо; только послѣ втораго блюда начинался разговоръ, преимущественно на томъ концѣ стола, гдѣ помѣщался почетный гость. Когда же кончили съ жаркимъ и полилось шампанское, съ неизбѣжными тостами, то разговоръ пошелъ оживленнѣе и уже въ разныхъ мѣстахъ стола. Но громкій и звучный голосъ Владиміра Андреевича выделялся среди другихъ голосовъ, подобно тому, какъ большой колоколъ колокольні заглушалъ своимъ звономъ звуки другихъ, маленькихъ колоколовъ.

— А бостончикъ, надѣюсь, у насъ будетъ? обратился Глинка къ хозяину.

— Конечно, ваше превосходительство; ужъ и столикъ готовъ, отвѣчалъ послѣдній.

— А партнеры, разумѣется, прежніе?

— За исключеніемъ Григорія Михайловича.

Такъ звали старшаго лѣсничаго, которому Владиміръ Андреевичъ успѣлъ уже задать изрядную головоломку за заборчикъ.

— Какъ? Развѣ его нѣтъ? огланувъ сидящихъ за столомъ, спросилъ Глинка.

— Онъ отказался отъ обѣда, извѣстивъ меня, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ.

— Вздоръ! Не вѣрю. Это не нездоровье, а злится на меня за распечку. Пошлите за нимъ: безъ него я не сяду.

Горный начальникъ тотчасъ же вышелъ изъ-за стола и отправилъ лѣсничему записку, съ просьбою—составить партію Владиміру Андреевичу.

Григорій Михайловичъ дѣйствительно не былъ боленъ, но, крайне возмущенный грубой распечкой главнаго начальника, рѣшилъ не быть на обѣдѣ и не играть съ нимъ въ карты.

Въ отвѣтъ на пригласительную записку горнаго начальника, онъ отвѣтилъ отказомъ.

Будучи человѣкомъ крайне добрымъ и искренно расположеннымъ къ Григорію Михайловичу, горный начальникъ не удовольствовался полученнымъ отказомъ послѣдняго, а тотчасъ же, послѣ обѣда, поѣхалъ за нимъ лично и сумѣлъ убѣдить его не противиться желанію Глинки.

Такимъ образомъ бостончикъ состоялся, и всѣ обычные партнеры занялись знакомымъ и пріятнымъ для нихъ удовольствіемъ.

Владиміру Андреевичу страшно не везло, и онъ проигралъ до-

вольно крупную сумму, которая, почти цѣликомъ, перешла въ карманъ старшаго лѣсничаго.

Тѣмъ не менѣе Глинка, противъ обыкновенія, не особенно сердился и даже шутливо замѣтилъ, высыпая на столъ довольно изрядную кучку золота.

— Ишь, отмстилъ вѣдь, злодѣй!

— Ужъ видно судьба такая, ваше превосходительство, почти-тельно говорилъ, забирая и пряча въ карманъ деньги, Григорій Михайловичъ.

— Судьба, судьба! Погоди, любезнѣйшій, не въ послѣдній разъ играемъ.

Подобные казусы попадались нерѣдко, и рассказы о нихъ долго хранились въ памяти заводскихъ служащихъ.

Вообще же, Владиміръ Андреевичъ былъ хорошій, добрый и честный администраторъ, но нѣсколько вспыльчивый и часто, за пустяки, разносившій, въ пухъ и прахъ, своихъ подчиненныхъ, которымъ всѣмъ, кромѣ горныхъ начальниковъ, говорилъ „ты“ и „любезнѣйшій“. Впрочемъ, вспыльчивость его проходила скоро, и если распечки, подчасъ, бывали несправедливы или черезчуръ строги, то онъ впослѣдствіи, такъ или иначе, старался вознаградить невинно потерпѣвшаго.

Глинка же обязанъ Екатеринбургъ устройствомъ городского театра, въ которомъ, съ тѣхъ поръ и до сего времени, въ теченіе зимняго сезона, даются драматическія и оперныя представленія. Для этого были приспособлены и передѣланы, оставшіеся безъ употребленія, казенные соляные магазины.

Въ первые годы основанія театра, Владиміръ Андреевичъ оказывалъ полное содѣйствіе и матеріальную помощь антрепренеру, который, благодаря этимъ обстоятельствамъ, имѣлъ возможность, не безъ выгоды для себя, держать весьма порядочную труппу, тѣмъ болѣе, что въ его распоряженіи находился и ирбитскій театръ, дававшій, во время ярмарки, очень хорошіе сборы.

Словомъ, Глинка, по собственному почину, чѣмъ только могъ, содѣйствовалъ постоянно соединенію общества и разнообразнымъ общественнымъ развлеченіямъ. Онъ твердо держался, въ этомъ случаѣ, извѣстнаго всѣмъ правила императора Петра Великаго, что, удѣляя время дѣлу, слѣдуетъ хотя часъ удѣлить и потѣхѣ.

Получивъ новое назначеніе, Владиміръ Андреевичъ, съ грустью въ сердцѣ и съ слезами на глазахъ, разставался съ Ураломъ, оставивъ по себѣ добрую память и пріятныя воспоминанія среди большинства заводскихъ служащихъ.

VI.

Во главѣ каждого заводскаго округа стоялъ горный начальникъ, а каждого завода и промысла—управитель. Первый назначался на должность Высочайшимъ приказомъ, а послѣдній—приказомъ главнаго начальника.

По отношенію къ горнымъ городамъ и заводскимъ селеніямъ горный начальникъ пользовался одинаковыми правами съ губернато-рами. По отношенію же къ военнымъ командамъ состоялъ на пра-вахъ полковаго командира.

Поэтому, у параднаго крыльца обширнаго казеннаго дома, зани-маемаго горнымъ начальникомъ, помѣщалась военная будка, съ неиз-бѣжнымъ при ней часовымъ.

Къ предметамъ управленія горнаго начальника и управителя относились: часть хозяйственная, части искусственная и ученая, гражданское благоустройство и часть судная.

Дѣлопроизводство по всѣмъ этимъ частямъ было сосредоточено въ главной и заводской конторахъ, въ первой—подъ предсѣдательствомъ начальника, а въ послѣдней—управителя.

По судной части, вѣдавшей дѣла гражданскія и уголовныя и не имѣвшей на заводахъ особаго учрежденія, на обязанности горнаго начальника лежало:

- 1) Учрежденіе временныхъ судовъ въ тѣхъ горныхъ городахъ, гдѣ не было уѣзднаго суда, ратуши, или магистрата.
- 2) Учрежденіе, въ случаяхъ преступленій уголовныхъ, военнаго суда.
- 3) Надзоръ за производствомъ и рѣшеніемъ судныхъ дѣлъ и
- 4) Личный судъ по маловажнымъ служебнымъ упущеніямъ, а также по распрямъ и обидамъ, возникшимъ между заводскими людьми округа.

Только послѣдняя изъ этихъ четырехъ категорій судныхъ дѣлъ относилась къ обязанности управителя.

Военный судъ, состоявшій изъ презуса, ассесора и аудитора, учреждался въ каждомъ округѣ исключительно для преступленій уголовныхъ, совершенныхъ состоящими на горной службѣ чиновни-ками и нижними чинами.

Вторымъ лицомъ, по управленію округомъ, стоялъ помощникъ горнаго начальника, исполнявшій одновременно обязанности перваго члена главной конторы, инспектора заводскихъ школъ и презуса военнаго суда. За исполненіе послѣднихъ двухъ обязанностей онъ получалъ особое добавочное жалованье.

Должность помощника горнаго начальника также замѣщалась

горными инженерами, а кандидаты къ нимъ представлялись главнымъ начальникомъ на утвержденіе министра.

На техническія должности смотрителей заводскихъ фабрикъ и рудниковъ горные инженеры, и, на нѣкоторые изъ послѣднихъ, горные чиновники опредѣлялись горнымъ начальникомъ.

Обязанности вторыхъ членовъ главныхъ конторъ исполняли горные чиновники и утверждались въ этихъ должностяхъ главнымъ начальникомъ.

Всѣ остальные конторскія и заводскія должности, за исключеніемъ должностей интересныхъ, т. е. такихъ, при которыхъ, на отчетѣ и отвѣтственности чиновника, состояли или денежные суммы, или иное заводское имущество, замѣщались лицами, по единоличному распоряженію горныхъ начальниковъ. На должности же интересные всѣ чиновники опредѣлялись по выборамъ и утверждались начальникомъ.

Выборы производились всѣми, служащими въ заводѣ чиновниками, которые, въ случаѣ растраты избраннымъ лицомъ заводскаго имущества, обязывались возмѣстить, изъ своихъ средствъ, стоимость растраченнаго. Если же горный начальникъ опредѣлялъ чиновника на интересную должность личною властью, то лично же за него и отвѣтствовалъ.

Большая часть дѣлъ въ главной конторѣ разрѣшалась коллегіально, въ ея присутствіи. Присутствіе состояло изъ двухъ членовъ конторы и секретаря, подъ предѣтельствомъ горнаго начальника.

Всѣ же дѣла въ заводскихъ конторахъ разрѣшались управителями единолично.

Кромѣ поименованныхъ частей, подвѣдомственныхъ мѣстному управленію, на всѣхъ казенныхъ заводахъ Урала существовали слѣдующія отдѣльныя части: лѣсная, полицейская, медицинская, благотворительная, учебная и духовная.

Для завѣдыванія лѣсною частью на заводахъ, въ распоряженіе главнаго начальника были откомандированы чины корпуса лѣсничихъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ главнаго лѣсничаго.

Лѣсная часть въ округахъ состояла въ вѣдѣніи старшихъ лѣсничихъ, а лѣсными дачами каждаго отдѣльнаго завода завѣдывали младшіе лѣсничіе.

Полицейскою частью завѣдывала горная полиція; она дѣлилась на городскую, заводскую и окружную.

Первая вѣдала всѣ, относящіяся до нея, дѣла въ чертѣ города, вторая—въ чертѣ завода, а послѣдняя—въ чертѣ городовъ и заводовъ.

Въ составъ городской полиціи входили полицеймейстеръ и частные приставы—въ г. Екатеринбургѣ и каждомъ центральномъ заводѣ округа, и только одни частные приставы—въ остальныхъ заводахъ.

Впрочемъ, на Мясскихъ и Березовскихъ золотыхъ промыслахъ и Турьинскихъ мѣдныхъ рудникахъ также полагались полицеймейстеры.

Въ распоряженіи полицеймейстеровъ и приставовъ состояли нижніе полицейскіе чины и разъѣздные, или казаки.

Во главѣ окружной полиціи стояли горные исправники, которые, въ земскихъ судахъ того уѣзда, гдѣ находились заводы, засѣдали на первомъ мѣстѣ, послѣ земскихъ исправниковъ.

По дѣламъ полицейскимъ, земскій судъ подчинялся горному начальнику, какъ гражданскому губернатору; а заводскимъ управителямъ, въ этомъ отношеніи, присвоивались права городничихъ. Само собою, это имѣло мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ земскихъ судахъ были на производствѣ дѣла, касающіяся заводовъ и заводскихъ служащихъ или мастеровыхъ.

Медицинской частью на Уральскихъ заводахъ завѣдывалъ особый медицинскій инспекторъ, права котораго сравнивались съ правами инспекторовъ по военно-медицинской части.

Въ каждомъ горномъ городѣ и заводѣ имѣлись госпитали, состоявшіе подъ непосредственнымъ управленіемъ: въ главномъ заводѣ округа—старшихъ, а въ остальныхъ—младшихъ лѣкарей. При госпиталяхъ находилось положенное штатомъ число фельдшеровъ, лѣкарскихъ учениковъ и слугъ. Хозяйственною частью госпиталей завѣдывали особые коммиссары, а содержаніе больныхъ, относительно количества и качества пищи, одежды, посуды и прочаго, производилось на основаніи штатовъ о полевыхъ полкахъ.

Въ горныхъ городахъ имѣлись аптеки, помѣщавшіяся въ особо устроенныхъ зданіяхъ и состоявшія въ вѣдѣніи заводскаго аптекаря, съ необходимымъ при немъ персоналомъ провизоровъ и аптекарскихъ учениковъ. Въ отдѣльныхъ же заводахъ аптеки помѣщались, болѣею частію, въ зданіяхъ госпиталей и состояли въ вѣдѣніи младшихъ лѣкарей. Наблюденіе за приготовленіемъ микстуръ и храненіемъ медикаментовъ поручалось обыкновенно старшему фельдшеру. Только вещества ядовитыя хранились въ особомъ шкафу, за печатью лѣкаря, и, въ случаѣ надобности, выдавались послѣднимъ лично.

Всѣ лѣсные, полицейскіе и медицинскіе чины округа подчинялись горному начальнику, а чины каждаго отдѣльнаго завода—управителю.

Какъ старшій лѣкаръ обязанъ былъ ежедневно и лично докладывать начальнику о состояніи госпиталя въ главномъ заводѣ, такъ въ остальныхъ заводахъ, съ этою же цѣлью, являлись къ управителямъ ежедневно коммиссары.

Для призрѣнія бѣдныхъ, неимущихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ, а также не имѣющихъ пристанища, были учреждены при каждомъ заводѣ довольно просторныя богадѣльни. Онѣ состояли изъ

двухъ отдѣленій: мужскаго и женскаго. Кромѣ взрослыхъ, въ нихъ призрѣвались также и дѣти-сироты, обоого пола, присмотръ за которыми поручался обыкновенно наиболѣе благонадежнымъ богадѣльщикамъ. Мальчики-сироты имѣли право на призрѣніе до семилѣтняго, а дѣвочки до восемнадцатилѣтняго возраста.

Богадѣльщики и богадѣльщицы занимались, по желанію, посильными работами, или рукодѣліемъ. Имъ выдавались, отъ заводууправленія, всѣ необходимыя для работъ матеріалы и припасы, а вышедшія изъ ихъ рукъ издѣлія или продавались частнымъ лицамъ, или принимались въ казну, если считались нужными для завода. Половина вырученныхъ за издѣлія денегъ выдавалась на руки сработавшимъ ихъ, а другая половина шла въ пользу богадѣльни и причислялась къ другимъ суммамъ, назначавшимися на ея содержаніе.

Для образованія дѣтей средняго и низшаго класса заводскаго населенія существовали на заводахъ разныя учебныя заведенія. Во главѣ ихъ стояло Уральское горное училище, основанное въ Екатеринбургѣ, съ цѣлію образованія свѣдущихъ уставщиковъ, мастеровъ и наставниковъ для заводскихъ школъ. Училище это подчинялось особому управляющему, съ состоящими при немъ инспекторомъ, учителями и другими должностными лицами.

Въ немъ преподавались слѣдующіе предметы: всеобщая исторія, одинъ изъ иностранныхъ языковъ, основанія минералогіи, геогнозій, практической и горной механики, химіи, геодезій, пробирнаго и маркшейдерскаго искусства, черченіе и рисованіе. Кромѣ того, особенное вниманіе обращалось на практическія упражненія и работы въ техническихъ производствахъ.

Въ Уральскомъ училищѣ было учреждено шестьдесятъ штатныхъ ваканцій: тридцать для дѣтей нижнихъ и рабочихъ чиновъ и тридцать—для дѣтей недостаточныхъ чиновниковъ горнаго вѣдомства. Допускался пріемъ дѣтей и сверхъ штата, но только своекоштныхъ пансіонеровъ, съ ежегодною платою 120 рублей. Какъ казенные, или штатные ученики, такъ и пансіонеры пользовались въ училищѣ полнымъ содержаніемъ.

Лучшіе, окончившіе курсъ училища, ученики выпускались урядниками 2-й, а прочіе—3-й статьи и, до поступленія на штатныя должности, получали, кромѣ провіанта, отъ 18 до 36 рублей жалованья и по 9 рублей обмундировочныхъ ежегодно. Прослуживъ же, съ отличіемъ усердіемъ, на штатныхъ должностяхъ, двѣнадцать лѣтъ, они, безъ особыхъ испытаній, на основаніи выданныхъ имъ аттестатовъ училища, производились въ первый классный чинъ.

Слѣдующія, за Уральскимъ горнымъ училищемъ, мѣста, въ ряду заводскихъ учебныхъ заведеній, занимали: окружныя училища, по

одному въ округѣ, и заводскія школы, по одной въ каждомъ отдѣльномъ заводѣ.

Окружныя училища состояли изъ двухъ классовъ, курсъ ученія въ которыхъ продолжался по два года. Въ нихъ преподавались: катехизизъ, священная исторія, русскій языкъ, ариѳметика, географія, начала алгебры и геометріи, чистописаніе, черченіе, рисованіе и практическія упражненія въ письмоводствѣ и счетоводствѣ.

Лучшіе, окончившіе курсъ въ окружныхъ училищахъ, ученики переводились въ Уральское горное училище, а прочіе опредѣлялись на ваканціи писцовъ, цеховыхъ учениковъ и къ другимъ заводскимъ занятіямъ.

Въ заводскихъ школахъ ученіе продолжалось два года. Въ нихъ преподавали: законъ Божій, чтеніе и письмо, начала ариѳметики и линейное рисованіе.

Лучшіе ученики заводскихъ школъ поступали въ окружныя училища.

Контингентъ учащихся во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ состоялъ ихъ дѣтей мелкихъ чиновниковъ, нижнихъ чиновъ и мастеровыхъ.

Если въ какомъ-либо заводѣ учащихся оказывалось болѣе, чѣмъ могли вмѣстить ихъ заводскія школы, то мѣстному горному начальнику разрѣшалось открывать начальныя и воскресныя школы, не только для малолѣтокъ, но и для взрослыхъ.

Что же касается дѣтей горныхъ инженеровъ, лѣсничихъ и высшихъ горныхъ чиновниковъ, то они воспитывались въ высшихъ и среднихъ, спеціальныхъ заведеніяхъ Петербурга, а именно: въ горномъ и лѣсномъ корпусахъ, въ горной технической школѣ, при технологическомъ институтѣ, въ пробирномъ училищѣ, при пробирной палаткѣ, и въ Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ¹⁾. Въ каждомъ изъ этихъ заведеній имѣлось постоянно по нѣсколько стипендій горнаго вѣдомства.

Успѣшно окончившіе курсъ въ горномъ и лѣсномъ корпусахъ выпускались на горную и лѣсную службу съ военными чинами: изъ перваго — поручика, подпоручика и прапорщика, а изъ послѣдняго — только подпоручика и прапорщика; малоуспѣшные же — съ гражданскими чинами XIV и XII класса.

Окончившіе курсъ въ горной технической школѣ и лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ поступали на заводскую службу съ званіемъ

¹⁾ При немъ, въ прежнее время, существовало среднее, лѣсное, учебное заведеніе, а нынѣ лисинское лѣсничество служить мѣстомъ практическихъ занятій студентамъ Лѣснаго института.

горныхъ и лѣсныхъ кондукторовъ и, черезъ двѣнадцать лѣтъ, производились: первые—въ первый гражданскій, а послѣдніе—въ первый военный чинъ корпуса лѣсничихъ.

Ученики, съ успѣхомъ окончившіе курсъ остальныхъ учебныхъ заведеній, а также и окружнаго училища, по прослуженіи двѣнадцати лѣтъ на штатныхъ заводскихъ или конторскихъ должностяхъ, также имѣли право на производство ихъ въ чинъ XIV класса, но по предварительномъ выдержаніи, особо установленнаго на сей предметъ, экзамена.

При заводахъ состояло также, положенное штатомъ, число священно-и церковно-служителей.

Чины духовнаго вѣдомства опредѣлялись епархіальнымъ архіереемъ, по соглашенію съ горными начальниками и по ихъ же представленію удостоивались наградами за примѣрную и ревностную службу. Жалованье получали они изъ суммъ горнаго вѣдомства. Всѣ требы для заводскихъ людей исполнялись священниками безвозмездно, и на ихъ же обязанности лежало преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ закона Божія, за что полагалось имъ особое вознагражденіе.

VII.

Горный начальникъ, какъ полный хозяинъ округа, обязанъ былъ, періодически, объѣзжать всѣ, принадлежащія къ нему, заводы и промыслы, для личнаго наблюденія за успѣшнымъ выполненіемъ заводскихъ работъ и своевременнымъ обезпеченіемъ cadaго завода необходимыми матеріалами и припасами.

Главнѣйшіе изъ нихъ, какъ-то: руды, флюсы, бутовой, горновой, точильный и иной камень, глины, кирпичъ, известь, дрова, уголь и всевозможные лѣсные припасы заготовлялись въ дачахъ округа и доставлялись оттуда на заводы.

Болты, винты, гвозди, скобы, словомъ, всѣ вообще желѣзныя издѣлія, необходимыя для возведенія новыхъ и ремонта старыхъ зданій и механизмовъ, выдѣлывались въ заводскихъ мастерскихъ.

Мука ржаная, которой расходовалось громадное количество, приобрѣталась провіантскими смотрителями, на ближайшихъ отъ завода хлѣбныхъ рынкахъ, по распоряженію мѣстнаго начальства и по утвержденнымъ имъ средне-справочнымъ цѣнамъ.

Тѣ же, изъ массы мелочныхъ, необходимыхъ, какъ для заводскаго дѣйствія, такъ и для разныхъ заводскихъ учреждений, припасы и

матеріалы, которыхъ нельзя было приобрести на мѣстныхъ рынкахъ и которыхъ расходовалось ежегодно на десятки тысячъ рублей, закупались на Нижегородской ярмаркѣ, куда обыкновенно командировался кто-либо изъ горныхъ чиновниковъ.

Такимъ образомъ изъ вышеприведеннаго видно, что обязанности горныхъ начальниковъ были весьма нелегки и крайне разнообразны. Они должны были совмѣщать въ себѣ одновременно и администратора, и техника, и блюстителя порядка, и судью, и хозяина обширнаго имѣнія.

Поэтому на долю добросовѣстнаго и строго относящагося къ исполненію своихъ обязанностей начальника приходилось не мало дѣла, заботъ и хлопотъ, а слѣдовательно и отвѣтственность его была далеко не легкая.

Горный начальникъ вставалъ рано, не позднѣе восьми часовъ. Съ девяти у него уже начинался пріемъ должностныхъ лицъ.

Первымъ пріѣзжалъ полицеймейстеръ и рапортовалъ о состояніи порядка и благочинія въ городѣ, подробно докладывая о всѣхъ, бывшихъ въ теченіе минувшаго дня, крупныхъ и мелкихъ происшествіяхъ.

Вслѣдъ за нимъ являлся старшій лѣкарь, съ донесеніемъ о состояніи госпиталя и количествѣ больныхъ, въ немъ находящихся.

Далѣе, пріѣзжалъ управитель завода съ отчетомъ о ходѣ работъ въ фабрикахъ и успѣшномъ выполненіи казенныхъ заказовъ.

Кромѣ того, случалось нерѣдко, что въ эти же часы появлялся у начальника и чиновникъ разныхъ порученій, на котораго было возложено какое-либо особое и болѣе серьезное дѣло или разслѣдованіе.

Наконецъ, около часу и болѣе отнималъ у него разный рабочій людъ, особенно женщины, приходившія съ всевозможными просьбами о пособіяхъ, помѣщеніи въ богадѣльню, или съ жалобами на мужей, угостившихъ ихъ такими побоями, что слѣды послѣднихъ ясно обнаруживались на ихъ заплаканныхъ и покрытыхъ синяками лицахъ.

Все это нужно было разобрать, сообразить и разрѣшить по возможности справедливо и согласно съ сущностью дѣла.

Такъ проходило время до 11 и даже до 12 часовъ.

Позавтракавъ, начальникъ отправлялся въ главную контору, гдѣ опять разныя дѣла, требующія внимательнаго разсмотрѣнія и надлежащаго распоряженія, отнимали у него время до четырехъ часовъ дня.

Болѣе же серьезныя дѣла, подробно вникнуть въ которыя въ главной конторѣ не представлялось ни времени, ни возможности, обыкновенно отсылались секретаремъ на квартиру начальника. Имъ посвящалъ онъ цѣлые вечера, занимаясь иногда до глубокой ночи.

Кромѣ того, ему необходимо было хотя разъ или два на недѣлѣ заглянуть и въ заводскія фабрики, и въ госпиталь, и въ богадѣльню, и въ прочія учрежденія округа.

На должности горныхъ начальниковъ назначались большею частью лица, вполнѣ достойныя. По крайней мѣрѣ, съ начала 30-хъ и до конца 50-хъ годовъ, т. е. болѣе чѣмъ за четверть столѣтія, на всѣхъ казенныхъ заводахъ Урала стояли во главѣ cadaго округа дѣльные и опытные инженеры.

Конечно, одни изъ нихъ были дѣльнѣе, способнѣе и энергичнѣе, другіе обладали этими качествами въ меньшей степени; одни относились къ подчиненнымъ мягче и снисходительнѣе, другіе — строже и требовательнѣе; одни — менѣе пристрастно и, слѣдовательно, болѣе справедливо, а другіе — наоборотъ.

Но, въ общемъ, всѣ они, какъ въ отношеніи службы, такъ и общественной жизни, дѣйствовали почти одинаково. Держали себя не недоступно, гордо и заносчиво, а съ спокойнымъ достоинствомъ; внушавшимъ невольное уваженіе въ сослуживцахъ и подчиненныхъ и исключавшемъ всякую возможность проявленія со стороны послѣднихъ малѣйшей фамильярности и запанибратства. Впрочемъ, не могла допустить этого и военная дисциплина, въ которой всѣ они были воспитаны чуть не съ дѣтства. Поэтому всѣ чины заводскаго управленія считали своимъ долгомъ, не только по службѣ, но и въ общественной жизни, оказывать уваженіе и почтеніе къ старшимъ, но безъ униженія, заискиванія и подхалимства; хотя, конечно, встрѣчались субъекты, пускавшіе въ ходъ и послѣднія два, не особенно привлекательныя свойства.

Всѣхъ лицъ, занимавшихъ должности горныхъ начальниковъ въ крѣпостное время, можно подраздѣлить на три главные типа.

Къ первому принадлежали, такъ называемые, чисто заводскіе служаки, т. е. лица, обращавшія главнѣйшее вниманіе на заводскія производства. Они аккуратно, по два раза на-дню, утромъ и вечеромъ, не менѣе пяти-шести часовъ проводили ежедневно въ фабрикахъ, гдѣ не оставляли неосмотрѣннымъ ни одного уголка, если только въ немъ производилась хотя бы самая незначительная и второстепенная работа. Они знали въ лицо и по фамиліямъ не только главныхъ и рядовыхъ мастеровъ, но и многихъ изъ лучшихъ работниковъ. Малѣйшія неудачи и неполадки въ заводскомъ дѣлѣ принимали близко къ сердцу и лично приискивали и указывали мѣры къ ихъ устраненію.

Такіе начальники нерѣдко знали техническую часть завода гораздо лучше, чѣмъ непосредственно завѣдывавшіе ею управители. За то къ дѣламъ конторскимъ, или канцелярскимъ они относились съ значительно меньшимъ рвеніемъ, предоставляя главнѣйшую заботу о

надлежащемъ ихъ веденіи секретарю и другимъ горнымъ чиновникамъ. А послѣдніе, само-собой, пользовались этимъ и, влияя на тотъ или иной исходъ болѣе интересныхъ дѣлъ, играли, въ заводской администраціи, довольно видную роль. Если подобное обстоятельство и не правилось другимъ служащимъ, то, все же, волей-неволей, они вынуждены были мириться съ нимъ и признать его неизбѣжнымъ.

Къ представителямъ втораго типа относились начальники кабинетные, удѣлявшіе, наоборотъ, большую часть времени дѣламъ, чисто канцелярскимъ. Они внимательно пропускали черезъ свои руки всевозможные рапорты, донесенія, представленія, справки, вѣдомости, отчеты и т. п. Они, такъ сказать, всецѣло погружались въ бумажное, канцелярское море, а потому аккуратно просиживали по 4—5 часовъ въ конторѣ и по столько же, если еще не болѣе, на дому, въ своемъ кабинетѣ.

Входя во всѣ мелочи заводскаго хозяйства и усердно радѣя о соблюденіи экономіи и сокращеніи расходовъ, они не только не достигали этого, но даже иногда сами способствовали ихъ увеличенію.

Они, напримѣръ, никогда не разрѣшали сразу управителю испрашиваемую имъ цѣну, изъ двухъ цифръ, наименьшей и наибольшей, на заготовку какого-либо матеріала, а сперва утверждали первую изъ нихъ. Между тѣмъ, по полученіи разрѣшенія, на чтò требовалось не менѣе недѣли, цѣна на матеріалъ поднималась и уже нѣсколько превышала, утвержденную начальникомъ, минимальную. Управитель вторично входилъ съ представленіемъ, испрашивая уже болѣе высокія цѣны, а начальникъ опять-таки предписывалъ заготовить по минимальной изъ нихъ, которая, ко времени полученія предписанія, снова успѣвала повыситься.

Послѣдствіемъ подобной процедуры являлась, въ концѣ-концовъ, заготовка матеріала по цѣнѣ болѣе высокой противу той, которая исправивалась управителемъ первоначально.

Въ заводскія фабрики такіе начальники заглядывали рѣдко, не болѣе раза въ недѣлю, предоставивъ всецѣло всю техническую часть управителю. Послѣдній поэтому пользовался несравненно большею самостоятельностью въ своихъ дѣйствіяхъ, между тѣмъ какъ секретарь уже далеко не имѣлъ такого значенія, какое доставалось на его долю при начальникѣ перваго типа.

Третій типъ начальниковъ занималъ какъ бы середину между двумя первыми. Они одинаково заботливо относились ко всѣмъ отраслямъ управленія, обращая, главнымъ образомъ, вниманіе не на мелочи, а на самую суть дѣла. Они резонно разсуждали, что подробно вникать и входить во все и, такъ сказать, провѣрять и контролировать сдѣланное разными служащими, одному человѣку не по силамъ

и что для этого у него имѣется достаточный штатъ инженеровъ и чиновниковъ.

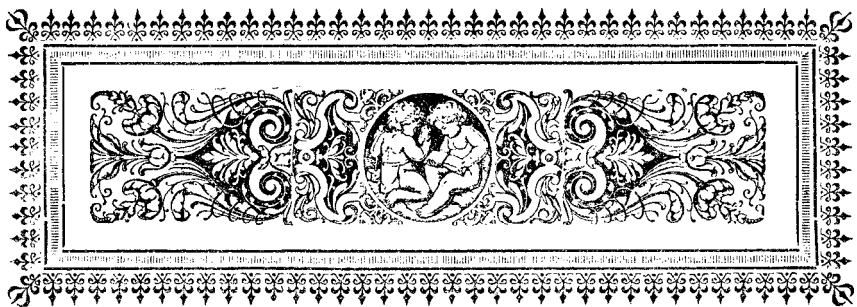
Такіе начальники считались наилучшими и наиболѣ полезными дѣятелями. Это были настоящіе начальники—администраторы, какими, въ сущности, они и должны быть въ дѣйствительности. Какъ не особенно долюбивали заводскіе служащіе начальниковъ первыхъ двухъ типовъ, такъ, наоборотъ, начальники третьяго типа пользовались наибольшими любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ.

Только въ отношеніи разъ установленнаго порядка, всѣ они поступали одинаково, т. е. довольно строго слѣдили за тѣмъ, чтобы подвѣдомственныя имъ лица неуклонно исполняли свои обязанности, аккуратно являлись въ присутственныя мѣста и просиживали тамъ, положенное для занятій, время. Но, предъявляя къ подчиненнымъ подобныя требованія, они не возбраняли имъ, въ свободное отъ занятій время, пользоваться разными общественными развлеченіями, охотно оказывая, съ своей стороны, полное къ тому содѣйствіе.

Въ общественной жизни всѣ горные начальники держали себя почти одинаково, охотно и радушно принимая у себя, принадлежащихъ къ ихъ кругу, заводскихъ чиновниковъ и, въ свою очередь, посѣщая семейные дома послѣднихъ. Въ этихъ случаяхъ, они, слѣдуя старинному изреченію: „служба службой, а дружба дружбой“, относились одинаково просто, любезно и привѣтливо ко всѣмъ, безъ различія, членамъ общества.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Горнозаводекая служба и общественная жизнь на Уралѣ въ крѣпостное время.

VIII ¹⁾.

Нѣкоторою оригинальностью, проявлявшеюся въ особо-безцеремонномъ и грубоватомъ обращеніи съ служащими лицами и съ членами своей семьи, выдѣлялся, среди горныхъ начальниковъ прежняго времени, Карлъ Ѳедоровичъ Мейснеръ ²⁾.

Изъ многихъ, дошедшихъ до меня, разсказовъ объ этой личности, въ памяти моей удержались три слѣдующіе:

Въ день своихъ именинъ, онъ обыкновенно, кромѣ обѣда, на который приглашались исключительно мужчины и при томъ только инженеры, лѣсничіе, артиллеристы и высшіе горные чиновники, онъ устраивалъ также и балъ.

На послѣдній приглашались, кромѣ вышеуказанныхъ лицъ, съ ихъ семействами, и нѣсколько болѣе мелкихъ чиновниковъ.

Тщательно одѣтые въ мундиры и усердно напомаженные, аккуратно, къ назначенному часу, являлись они въ домъ начальника, робко и нерѣшительно входили въ залъ и, почтительно раскланявшись съ хозяиномъ, тотчасъ же, по его указанію, направлялись въ особо отведенныя для нихъ, въ нижнемъ этажѣ, комнаты.

Тамъ, для этихъ, второстепенныхъ гостей, уже были приготовлены ломберные столы и столики съ шашками; тамъ же, накрывались для нихъ и особые столы для закуски и ужина, одновременно

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1905 г.

²⁾ Фамилія вымыслена.

съ таковыми же въ залѣ верхняго этажа, предназначавшимися для членовъ высшаго круга общества.

Угощеніе для маленькихъ чиновниковъ хотя и отличалось обиліемъ закусокъ, купаній, настоекъ, паливокъ и дешевыхъ, мѣстнаго разлива, винъ, но, тѣмъ не менѣе, значительно уступало угощенію, которое предлагалось гостямъ верхняго этажа.

Вверху лилось рѣдкою шампанское, а внизу—дешевенькое донское, сидиціе за ужиномъ вверху были только въ нѣсколько приподнятомъ и игривомъ настроеніи духа, внизу же кой-кто обрѣтался уже въ невмѣняемомъ состояніи. Только въ одномъ верхъ и низъ мало разнились другъ отъ друга: какъ тамъ, такъ и тутъ было одинаково шумно.

Въ числѣ другихъ приглашенныхъ, изъ мелкой, канцелярской братіи находился также одинъ субъектъ, недавно занявшій должность, дававшую ему право на приглашеніе, и въ первый еще разъ появившійся на балъ къ начальнику.

Незнакомый съ обычаями дома и непредувѣдомленный о нихъ сослуживцами, онъ большую часть вечера торчалъ въ верхнемъ этажѣ, съ большимъ удовольствіемъ и любопытствомъ наблюдая, какъ танцуютъ и веселятся многочисленные гости хозяина-именинника.

Такъ шло время до ужина. Вотъ, наконецъ, всѣ дамы и кавалеры двинулись изъ разныхъ пріемныхъ комнатъ и парами направлялись къ нѣсколькимъ, сервированнымъ для ужина, въ большой и просторной залѣ, столамъ. Въ числѣ ихъ, какъ-бы замыкая это шествіе, двигался туда же и маленький чиновникъ. Онъ уже хотѣлъ занять свободное мѣстечко въ концѣ одного изъ столовъ, какъ былъ замѣченъ, случайно, Мейснеромъ.

Быстро пробравшись сквозь толпу гостей, Карлъ Ѳедоровичъ подошелъ къ злополучному чиновнику и, ухвативъ его за руку, громко и рѣзко спросилъ.

— Ты куда это залѣзъ, любезный?

Чиновникъ вздрогнулъ и, вытянувшись, руки по швамъ, недоумѣло глядѣлъ въ глаза начальнику.

— Удостоенъ... пригласили, ваше превосходительство, робко и едва слышно нашелся онъ пробормотать въ отвѣтъ на вопросъ хозяина.

— Пригласили! А ты и обрадовался и лѣзешь куда не слѣдуетъ, тѣмъ же тономъ продолжалъ говорить Мейснеръ: Да развѣ здѣсь тебѣ мѣсто? Марши туда, внизъ! Тамъ для вашей братіи особый столъ приготовленъ, командовалъ онъ и, повернувъ гостей налѣво кругомъ, указалъ ему, жестомъ, дорогу.

Страшно переконфуженный и совершенно растерявшійся чиновникъ, спотыкаясь и задѣвая за стулья, чуть не бѣгомъ устремился изъ зала, по указанному хозяиномъ направленію.

Картина получалась поистинѣ весьма комичная.

Но гости, привыкшіе уже къ подобнымъ выходкамъ Карла Ѳедоровича, отнеслись къ ней довольно равнодушно, и только нѣкоторыя дамы не выдержали и довольно громко разсмѣялись.

Другой казусъ произошелъ за официальнымъ, по какому-то торжественному случаю, даннымъ Мейснеромъ обѣдомъ. На немъ, по обыкновенію, присутствовали одни мужчины, а изъ дамъ находились только жена и сестра хозяина.

Во время застольной бесѣды, зашла, между прочимъ, рѣчь и о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ.

Жена Карла Ѳедоровича, женщина не особенно далекая, мало образованная и отчасти забитая нѣсколько деспотическимъ и суровымъ правомъ супруга, обыкновенно, во время такихъ обѣдовъ молчавшая, на этотъ разъ вздумала принять участіе въ разговорѣ и пренаивно спросила у мужа:

— А гдѣ этотъ Кавказъ, Карлъ Ѳедоровичъ?

— Въ Турціи! У, дура! Молчала бы лучше, коли Богъ умомъ обидѣлъ, грубо и рѣзко оборвалъ Мейснеръ свою дражайшую половину.

А вотъ и третья выходка этого господина.

Въ его домѣ, на Святкахъ, устраивался большой, костюмированный вечеръ, приглашенія на который были разсланы чуть не за цѣлый мѣсяць.

Всѣ дамы и барышни заблаговременно хлопотали и заботились о нарядахъ, выбирали и придумывали различные костюмы и, гдѣ бы ни встрѣтились, заводили неизмѣнно однѣ и тѣ же рѣчи, все объ этомъ излюбленномъ ими развлеченіи.

У Карла Ѳедоровича жила постоянно, со дня выпуска изъ пансіона, его младшая сестра, дѣвушка уже не первой молодости и собой не особенно красивая, но страстная любительница всевозможныхъ общественныхъ удовольствій. Предстоящій костюмированный вечеръ озабочивалъ ее едва-ли не болѣе, чѣмъ другихъ заводскихъ дѣвушекъ. Но она была прихотлива и разборчива, а потому долго не могла выбрать для себя такого костюма, который былъ бы и оригиналенъ, и шелъ ей къ лицу.

А между тѣмъ время шло, и до костюмированного вечера оставалось не болѣе недѣли. Однажды у Мейснера, совершенно случайно, собралось довольно большое общество. Играли въ карты и танцевали.

Сестра его, все еще не выбравшая себѣ костюма, была сильно этимъ озабочена и уже ко многимъ изъ знакомыхъ мужчинъ и дамъ обращалась съ просьбами указать ей какой-либо подходящій костюмъ. Ей охотно указывали, но всѣ эти указанія, повидимому, ее не удовлетворяли.

И вотъ, она, въ концѣ концовъ, рѣшается просить совѣта у брата, который, въ это время, занятъ былъ какимъ-то серьезнымъ разговоромъ съ мужчинами. Около нихъ образовался цѣлый кружокъ внимательныхъ слушателей.

— Посовѣтуйте, пожалуйста, братецъ,—къмъ бы мнѣ замаскироваться? подбѣгая къ Мейснеру, развязно спросила дѣвушка.

— Ахъ, отвяжись! Почему я знаю, сердито пробурчалъ онъ.

— Ну, нѣтъ, все-таки, придумайте что-нибудь, продолжала она, не обращая вниманія на недовольный тонъ, звучавшій въ его отвѣтъ.

— Говорятъ, отстань. Не по моей части. Въ вашихъ, бабьихъ, дѣлахъ я ничего не смыслю.

— Неправда. Вы опытиѣ, вы должны знать. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ скажите, какой костюмъ пойдетъ ко мнѣ больше, не переставала приставить къ брату дѣвушка.

— Ну, коли не можешь ничего выбрать, такъ задери подолъ на голову. Вотъ тебѣ и костюмъ подходящій будетъ, громко отрѣзалъ Карлъ Ѳедоровичъ и отвернулся отъ надоедливой сестрицы.

Крайне обиженной и сконфуженной такимъ неделикатнымъ отвѣтомъ барышнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ поспѣшно, съ невольнo выступившими на глазахъ слезами, удалиться отъ сердитаго брата и скрыться на время въ свою комнату.

Не удивительны сами по себѣ подобныя грубыя и оскорбительныя выходки, но удивительно, что человѣкъ, ихъ себѣ позволявшій, былъ далеко не глупый и не злой, а скорѣе добрый и общительный, но только немножко деспотъ и самодуръ.

Помощники горныхъ начальниковъ никакой особенной роли въ заводской администраціи не играли. Они, какъ упомянуто выше, участвовали въ коллегіальномъ рѣшеніи извѣстной части дѣлъ, въ присутствіи главной конторы, въ качествѣ перваго ея члена, и, сверхъ того, исполняли обязанности инспектора заводскихъ школъ и презуса военного суда.

Хотя, въ отсутствіе горныхъ начальниковъ, уѣзжавшихъ куда-либо изъ завода на болѣе или менѣе продолжительное время, помощники ихъ и исправляли временно обязанности главы округа; но и, въ этомъ случаѣ, они дѣйствовали не самостоятельно, а на основаніи заранѣе полученныхъ инструкцій, и, если встрѣчались серьезные дѣла, не предусмотрѣнныя инструкціей, то рѣшеніе по нимъ всегда откладывали до возвращенія горнаго начальника.

Все это, вмѣстѣ взятое, служило, вѣроятно, причиной тому, что помощниками горныхъ начальниковъ назначались, большею частью, такіе инженеры, которые не обладали достаточными способностями для занятія самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ, административныхъ

должностей, а между тѣмъ, по своему усердію и долготѣтней службѣ, заслуживали повышенія. Эти же должности давали право на получение, при отставкѣ, чина полковника, съ соотвѣтствующею ему пенсіей..

Большая часть помощниковъ горнаго начальника очень долго, лѣтъ по десяти и по пятнадцати, занимали свои должности и такъ свыкались съ ними, что, по выходѣ въ отставку, начинали скучать, опускаться, терять постепенно бодрость и силы и, сравнительно, скоро поканчивать всѣ свои расчеты съ земною жизнью.

Привыкнувъ ежедневно, въ теченіе четырехъ-пяти часовъ, просиживать въ конторѣ, на мягкомъ и удобномъ креслѣ, перекидываясь, время отъ времени, парой—другой фразъ со вторымъ членомъ или секретаремъ; привыкнувъ, покуривая трубку, перебирать лежащую передъ ними кучку бумагъ и подписывать ихъ, не прочтя предварительно, а удостовѣрившись только, что онѣ подписаны уже секретаремъ и столоначальникомъ; привыкнувъ, въ извѣстные дни, посѣщать школы, вызывать и спрашивать кого-нибудь изъ учениковъ и сдѣлать, если окажется нужнымъ, замѣчаніе учителю, или тамъ же, во время годовичныхъ испытаній, засѣдать во главѣ экзаменаціонной коммисіи и ставить отмѣтки учащимся; привыкнувъ, наконецъ, въ качествѣ презуза военнаго суда, вершить, подготовленные заранее аудиторомъ, уголовныя дѣла; привыкнувъ ко всему этому и вдругъ очутиться не у дѣлъ и не знать,—какъ убить, чѣмъ заполнить предстоящіе впереди цѣлые часы совершенно свободнаго времени.

Если бъ еще питали они страстишку къ картамъ, или къ чтенію, то все же могли бы, за этими занятіями, скоротать часокъ—другой своего досуга; но положеніе не привыкшихъ ни къ тому, ни къ другому роду занятій становилось дѣйствительно безотраднымъ и тяжелымъ и легко способствовало упадку ихъ духовныхъ и физическихъ силъ. Не мудрено, что такія личности, оставшись не у дѣлъ, вскорѣ же сходили въ преждевременную могилу.

Привычка большинства помощниковъ горнаго начальника подписывать дѣла, не читая, была извѣстна всѣмъ ихъ сослуживцамъ; но сами они никогда въ этомъ не сознавались, хотя, подъ-часть, и бывали жестоко уличаемы.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ подобныхъ помощниковъ, Николай Петровичъ Бѣловъ ¹⁾, жаловался однажды своимъ знакомымъ на массу, подлежащихъ его подписи, дѣловыхъ бумагъ, которыя предварительно требовалось прочесть и прочесть внимательно.

— Ну, этого-то вы, положимъ, не дѣлаете, замѣтилъ ему пріятель.

¹⁾ Фамилія вымышленна.

тель его, лѣсничій, а подмахиваете себѣ все, что вамъ ни подсунуть, не читая.

— Извините-съ, это неправда: какая бы пустая бумаженка ни была, я ужъ не подпишу ее, не прочитавши, возражалъ Бѣловъ на замѣчаніе пріятеля.

— А я вамъ фактически докажу противное, стоялъ на своемъ лѣсничій.

— Нѣтъ-съ, не докажете.

— Хотите пари?

— Извольте, на что угодно.

— На полдюжины шампанскаго?

— Идетъ.

И они ударили по рукамъ.

Дѣйствительно, въ первые, вслѣдъ за состоявшимся пари, дни Бѣловъ аккуратно прочитывалъ каждую бумагу; но вскорѣ это ему надоѣло, и онъ снова вернулся къ прежней привычкѣ—подписывать не читая.

Этого только и дожидался лѣсничій и, недѣли черезъ двѣ, зайдя пораньше въ контору, всунулъ въ пачку дѣловыхъ бумагъ, подлежащихъ подписи Николая Петровича, заранѣе приготовленную бумагу; затѣмъ попросилъ секретаря, когда эта бумага будетъ подписана, передать ее къ нему, въ канцелярію.

Секретарь охотно исполнилъ просьбу лѣсничаго, который, занолучивъ нужную бумагу, въ тотъ же день отправился вечеркомъ къ Бѣлову.

— Ну-съ, Николай Петровичъ, посылайте за шампанскимъ. Вы проиграли пари, заявилъ онъ, здороваясь съ хозяиномъ.

— Какъ? Что? Я проигралъ... Не можетъ быть, протестовалъ Бѣловъ.

— А вотъ и доказательство. Не угодно ли? продолжалъ лѣсничій, передавая ему листъ бумаги.

А на листѣ было изложено, подписанное Николаемъ Петровичемъ, слѣдующее предписаніе управителю:

„Главная контора покорнѣйше проситъ ваше высоблагородіе возможно внимательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ и отнюдь не подписывать дѣловыхъ бумагъ, не прочитавши ихъ предварительно, какъ это обыкновенно дѣлаетъ помощникъ горнаго начальника“.

Бѣловъ прочелъ и страшно сконфузился.

— Ну, развѣ бѣ вы подписали такую бумагу, если бы знали ея содержаніе? спросилъ лѣсничій.

— Да, дѣйствительно... поддѣли, долженъ былъ, наконецъ, сознаться Николай Петровичъ, хотя, конечно, былъ очень недоволенъ выходкой пріятеля и долго, послѣ того, на него сердился.

IX.

Во главѣ управленія каждого отдѣльнаго завода стоялъ управитель. Онъ считался болѣе или менѣе самостоятельнымъ хозяиномъ своего завода. На немъ, какъ и на горномъ начальникѣ, хотя и въ меньшей степени, лежали почти тѣ же самыя, разнообразныя обязанности.

Онъ вѣдалъ одновременно административную, техническую, хозяйственную, полицейскую и судную части.

Непосредственнымъ помощникомъ его, преимущественно по технической части, считался заводскій смотритель. Въ случаѣ отлучки изъ завода управителя, онъ временно вступалъ въ отправленіе его обязанностей.

Управителю были подчинены всѣ остальные чиновники, за исключеніемъ артиллерійскаго приѣмщика.

Добросовѣстно исполнявшій свои обязанности управитель, подобно горному начальнику, имѣлъ не особенно много свободнаго времени, употребляя большую часть его на служебныя занятія.

По свойству характера и въ отношеніи служебной дѣятельности, всѣхъ прежнихъ управителей можно подраздѣлить на нѣсколько категорій.

Къ первой изъ нихъ принадлежали инженеры, всецѣло преданные горно-заводскому дѣлу и внимательно слѣдившіе за всѣми улучшеніями и усовершенствованіями, какія только вносили въ него современныя техники. Они, по мѣрѣ силъ и умѣній, неустанно стремились къ одной цѣли—принести возможно большую пользу, считая это и прямымъ и священнымъ своимъ долгомъ.

Эти инженеры, еще въ стѣнахъ корпуса, учились не изъ подлжки, не ради отмытокъ, а съ желаніемъ пріобрѣсти побольше необходимыхъ, научныхъ знаній и возможно всестороннѣ развить свои духовныя силы.

Конечно, такихъ личностей встрѣчалось, сравнительно, не много. Да много ли ихъ, строго говоря, найдется и въ настоящее время на разныхъ поприщахъ служебной дѣятельности? Какъ преобладала въ старину, такъ и нынѣ преобладаетъ всюду золотая посредственность.

Къ слѣдующей категоріи можно отнести хотя и знающихъ свое дѣло инженеровъ, но апатичныхъ, съ лѣнцой, которые, проживая въ отдѣльномъ заводѣ и пользуясь отсутствіемъ надъ собою высшаго начальства, стремились посибаритничать и провести время болѣе пріятно и разнообразно, чѣмъ высиживать, по цѣлымъ часамъ, въ неприглядной и казенной обстановкѣ заводскихъ конторъ, или таскаться по мрачнымъ мастерскимъ и фабрикамъ, подъ неумолчный

стукъ молотовъ и лязгъ желѣза. А этотъ фабричный воздухъ, наполненный мириадами угольныхъ пылинокъ, которыя набьются вамъ и въ глаза, и въ ротъ, и въ уши и за воротникъ платья!

Да и ради чего, собственно, усердствовать черезъ мѣру? Работы все не новыя, идутъ себѣ заведеннымъ порядкомъ, а надзиратели и мастера свое дѣло знаютъ и присмотрять за всѣмъ не хуже его, управителя.

Конечно, можно бы было сдѣлать кое-какія улучшения въ технику производства: уменьшитъ процентъ угара и брака, сократить нѣкоторые расходы, увеличить производительность, удешевить издѣлія. Да, разумѣется, все это возможно, стоитъ только побольше и посерьезнѣе заниматься, пораньше вставать, почаще заглядывать въ фабрики. Быть можетъ, и мелькнутъ порой подобныя мысли въ умѣ управителя, но вскорѣ же и исчезнуть. Къ чему? Изъ-за чего? Задаетъ онъ себѣ вопросы и тотчасъ же разрѣшаетъ ихъ: чтобы получить какую-либо награду или повышеніе по службѣ; но для этого надо совершить что-либо значительное, видное, что не такъ-то легко, да еще и не всегда удастся. Очередныя же награды и повышенія и такъ придутъ въ свое время.

И дома и въ школѣ такіе субъекты выучивали свои уроки лишь изъ боязни наказанія, да чтобы, хоть съ грѣхомъ пополамъ, окончить курсъ и добиться того чина и званія, которые доставятъ имъ извѣстное мѣсто на служебномъ поприщѣ.

Представители третьей категоріи состояли изъ личностей развитыхъ, способныхъ и большихъ любителей разныхъ изящныхъ искусствъ, словомъ, изъ натуръ, такъ сказать, артистическихъ. Но, не обладая устойчивымъ характеромъ, они легко поддавались всевозможнымъ увлеченіямъ и большимъ и малымъ, людскимъ страстишкамъ и слабостямъ. Все у нихъ дѣлалось какими-то порывами. Отъ занятій техникой они переходили къ литературѣ, живописи, музыкѣ и ни въ чемъ не находили полного удовлетворенія. Прочтя, напримѣръ, въ спеціальномъ журналѣ о какомъ-нибудь новомъ усовершенствованіи въ заводскомъ производствѣ, примутся они горячо за примѣненіе прочитаннаго къ своему заводу и, если оно туго и не скоро осуществляется, теряютъ терпѣніе и бросаютъ начатое, не доведя его до конца. Иногда такимъ личностямъ и удавалось совершить что-либо хорошее и полезное, но, большею частію, затѣи и замыслы ихъ оставались безрезультатными.

Отъ скуки и недостатка интеллигентнаго общества и полного отсутствія какихъ-либо общественныхъ развлеченій, стремясь такъ или иначе поразнообразить свою обыденную жизнь, занимались они и охотою, и игрою въ карты, и кутежами, и любовными похождениями.

ніями. Всему этому предавались они съ увлеченіемъ до тѣхъ поръ, пока не почувствуютъ охлажденія; а послѣднее у такихъ натуръ ждать себя долго не заставляло.

При этихъ условіяхъ, большинство инженеровъ несомнѣнно могло бы сильно опуститься и погрязнуть въ тинѣ захолустной, заводской жизни, если бъ не спасала ихъ женитьба. Она оказывала на нихъ большею частію самое благотворное вліяніе и невольно устанавливала болѣе регулярный образъ жизни, а хлопоты и заботы о семьѣ, заполняя часть свободнаго времени, отвлекали ихъ отъ пагубныхъ и вредныхъ наклонностей.

По этимъ уважительнымъ причинамъ, въ прежнее время, не только управители, но и смотрители маленькихъ заводовъ женились весьма рано. Изъ тѣхъ же немногихъ, которые почему-либо остались холостяками, значительный процентъ погибалъ нравственно.

Отъ скуки и одиночества они позволяли себѣ выпивать лишнее, обзаводились метрессами изъ мѣстныхъ Дульциней, которыя, забравъ слабохарактерныхъ субъектовъ въ грубыя и цѣпкія руки, постепенно и незамѣтно низводили ихъ до своего нравственнаго уровня.

Результатомъ подобнаго образа жизни являлись запой, совершенное разстройство здоровья и ранняя, преждевременная смерть.

Упомяну еще кстати объ управителяхъ-бѣлоручкахъ. Хотя они представляли рѣдкое исключеніе, но все же встрѣчались.

Это были люди не глупые, знавшіе свое дѣло и толково его исполнявшіе, но крайне чистоплотные, франтоватые и не выносившіе ничего грубаго и грязнаго.

Посѣщая заводскія фабрики, они проходили по нимъ спѣшно и осторожно, чтобы грязь, сало и угольный мусоръ не успѣли оставить какихъ-либо слѣдовъ на ихъ лицѣ, рукахъ и одеждѣ. Прежде, чѣмъ занять свое обычное мѣсто въ конторѣ, они внимательно осматриваютъ и кресло и столъ,—нѣтъ ли на нихъ пыли, и не рискуютъ ли они запачкать свое платье.

У такихъ управителей конторы содержались всегда въ безукоризненной чистотѣ. Сторожа хорошо знали требованія начальства и усердно слѣдили за ихъ исполненіемъ.

Бывало, прямо изъ заводскихъ фабрикъ заѣдетъ такой управитель къ кому-либо изъ знакомыхъ и явится передъ ними такимъ опрятнымъ и чистенькимъ, въ бѣлыхъ, безъ пятнышка, перчаткахъ, словно, только-что выѣхалъ изъ своей квартиры.

— Откуда это вы? спрашиваетъ хозяинъ.

— А-а прямо изъ завода, черезъ полчаса надо къ начальнику, и, вотъ, я завернулъ къ вамъ на перекуты.

— Какъ? Такимъ чистенькимъ и прямо изъ завода? Какъ это вы ухитрились?

— А-а очень просто. Я аккуратно и скоро по этимъ фабрикамъ... Такъ, знаете, à vol d'oiseau.

Для приѣма мастеровъ и рабочихъ, являвшихся къ нему на домъ съ разными просьбами, у него имѣлась передъ кабинетомъ особая приемная комната. Прежде чѣмъ ввести въ нее перепачканныхъ въ сажъ и прокопченныхъ дымомъ просителей, лакей тщательно ихъ осматривалъ и предварительно заставлялъ обтереть обувь и вообще нѣсколько пообчиститься. Затѣмъ, попрыскавъ въ комнатѣ оде-колономъ, докладывалъ уже о прибывшихъ управителю.

Когда же, по окончаніи приѣма, мастеровые уходили, приемная комната провѣтривалась, и всѣ слѣды пребыванія въ ней нечистоплотныхъ просителей тщательно уничтожались.

Всѣ, безъ исключенія, прежніе управители, а также и высшіе горные чиновники держали себя съ низшими должностными лицами нѣсколько свысока, но не рѣзко и грубо, а скорѣе степенно и благодушно; въ служебныхъ разговорахъ обращались къ нимъ неизмѣнно на „ты“, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли уже классные чины и носили званіе личнаго дворянина.

Впрочемъ, подобное обращеніе начальниковъ съ подчиненными было, въ старину, обычнымъ явленіемъ не только въ горномъ, но и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, и нисколько не шокировало и не унижало служащихъ.

Вся суть заключалась не въ мѣстоименіи, а въ самомъ тонѣ, которымъ произносилось это мѣстоименіе. Иное „ты“, сказанное ласково и привѣтливо, куда какъ пріятнѣе звучало въ ушахъ подчиненныхъ, чѣмъ болѣе вѣжливое „вы“, произнесенное съ ироніей, сарказмомъ, или явнымъ презрѣніемъ.

Въ общемъ же всѣ прежніе управители болѣе или менѣе удовлетворительно исполняли свои обязанности и если не всегда вносили что-либо новое въ технику заводскихъ производствъ, то по крайней мѣрѣ поддерживали и не запускали уже существующихъ.

Какъ единственное исключеніе, выдѣлялся среди нихъ и оставилъ по себѣ не особенно лестную память Сергѣй Петровичъ Бергасовъ ¹⁾. Этотъ горный инженеръ стоялъ далеко не на высотѣ своего положенія. Неглупый и способный, но питавній неудержимую страсть къ картамъ, онъ посвящалъ имъ слишкомъ много времени, а потому, естественно, частенько negliжировалъ своими служебными обязанностями.

¹⁾ Фамилія вымышленна.

Эта несчастная страсть неблагоприятно отражалась не только на успешномъ ходѣ заводскаго дѣла, но и на нѣкоторыхъ подчиненныхъ служащихъ и знакомыхъ Бергасова инженерахъ и чиновникахъ, проживавшихъ въ ближайшихъ заводахъ. Особенно вредно вліяла она на молодежь, обладавшую неустойчивымъ характеромъ и слабою волею.

У Бергасова процвѣтали преимущественно азартныя игры.

На карточные вечера, или, вѣрнѣе, дни, ибо иногда цѣлая компанія игроковъ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ просиживала за ломберными столами, собирались не только свои, мѣстные партнеры, но довольно часто прїѣзжали таковые и изъ болѣе дальнихъ заводовъ смежнаго округа.

Этотъ, такъ сказать, безпросыпный картежъ представлялъ собою слѣдующую картину:

Просторная комната, съ десяткомъ игроковъ и зрителей, сидящихъ и стоящихъ за ломберными столами, полна клубами дыма отъ трубокъ, съ табакомъ Жукова, и рижскихъ или гаванскихъ сигаръ; весь полъ усыпанъ цѣлыми и изорванными картами, между которыми валялись пробки, окурки, спички, и все это было покрыто мѣстами пенломъ и пылью; на большомъ столѣ, у стѣны, стоитъ громадный подносъ съ тарелками разныхъ закусокъ, а рядомъ—другой, съ цѣлою батареей бутылокъ, окруженныхъ рюмками и стаканами.

Игра идетъ горячо, азартно. Груда ассигнацій, серебра и золота лежитъ передъ банкометомъ. Безпрестанно слышатся возгласы играющихъ: „Уголь! дана! бита! на двѣнадцать кушей! транспортъ! по червонцу очко“ и т. п.

Чѣмъ дальше продолжается игра, тѣмъ замѣтнѣе измѣняетъ свой видъ лежащая передъ банкометомъ груда денегъ. Она то значительно уменьшается, то снова достигаетъ такой же величины и затѣмъ начинаетъ расти все болѣе и болѣе, вмѣщая въ себя, помимо денегъ, и разныя цѣнныя вещи. Одна за другой присоединяются къ ней и часы, и кольца, и перстни, и табакерки, и портъ-сигары, и даже такіе предметы, которые не могли помѣститься на ломберномъ столѣ и частію лежали въ углу комнаты, а частію—внѣ ея, въ каретникѣ и конюшнѣ, какъ, напримѣръ: пистолеты, ружья, экипажи, лошади, словомъ, все, чѣмъ только могли располагать, продувшіеся въ пухъ и прахъ, картежники.

И курьезную же картину представляло собою иногда возвращеніе домой такихъ игроковъ, за 60, 80, 100 и болѣе верстъ уѣхавшихъ изъ своихъ заводовъ—отвести душу за картами.

Одни ѣхали въ чужомъ тарантасѣ, безъ копѣйки въ карманѣ, безъ часовъ, перстней, портъ-сигара и вообще безъ всѣхъ тѣхъ ве-

щей, которыя были съ ними при выѣздѣ изъ дому и перешли въ другія руки.

Другіе же, наоборотъ, возвращались домой, подобно побѣдителямъ, сопровождаемые цѣлымъ обозомъ изъ многочисленныхъ трофеевъ, отнятыхъ у враговъ, во время жаркой и продолжительной схватки съ ними на зеленомъ полѣ.

Тутъ были дорожные и городскіе экипажи, упряжныя и верховыя лошади, сбруя, сѣдла, ружья и т. п.

Само собою, страсть Бергасова къ картамъ не мало вредила процвѣтанію завода, который, сравнительно съ другими, весьма тихо двигался по пути прогресса, а хозяинъ его частенько навлекалъ на себя справедливыя нареканія высшаго, горнаго начальства.

Х.

Уральскіе заводы занимали громадную территорію и представляли собою какъ-бы отдѣльную область, совершенно изолированную, во всѣхъ служебныхъ отношеніяхъ, отъ окружающихъ ее городовъ и мѣстечекъ, подвѣдомственныхъ губернской администраціи.

Занесенные въ нее, силою обстоятельствъ, чиновники прочно утверждались въ ней, пуская глубоко свои корни и, плодясь и множась, послѣдовательно доставляли ей, этой области, свой кровный контингентъ кандидатовъ на многочисленные и разнообразныя должности мѣстныхъ учреждений. Удаленные отъ столицы на двѣ тысячи верстъ и лишенные удобныхъ путей сообщенія, заводскіе служащіе безвыѣздно, по десяткамъ лѣтъ, проживали въ своихъ горныхъ городкахъ и заводахъ, не переступая черты, или границы района Уральскихъ заводовъ. Очень немногіе разокъ-другой, въ теченіе всей своей жизни, заглядывали въ ближайшій губернскій или уѣздный городъ, но прокатиться, на свой счетъ, въ Петербургъ представлялось чѣмъ-то невѣроятнымъ, немыслимымъ, не говоря уже о крайней затруднительности и неудобствѣ такой поѣздки, самые расходы, потребные на нее, были бы не по карману большинству чиновниковъ.

Командировки же служебныя, на казенный счетъ, давались чрезвычайно рѣдко и преимущественно высшимъ начальствующимъ лицамъ. Для остальныхъ же представлялись, въ этомъ отношеніи, весьма рѣдкіе случаи, а именно—сопровожденіе, такъ называвшихся, золотого и дѣтскаго каравановъ.

Съ первымъ, подъ начальствомъ караваннаго смотрителя и его помощника, доставлялось изъ Екатеринбурга на петербургскій монет-

ный дворъ, добытое на уральскихъ золотыхъ промыслахъ и сплавленное въ лабораторіи, въ слитки, золото.

Со вторымъ, также подъ начальствомъ караваннаго и его помощника, доставлялись съ Уральскихъ заводовъ дѣти горныхъ инженеровъ и чиновниковъ въ столичные корпуса и училища.

Первый караванъ отправлялся съ Урала два раза въ годъ, зимою и лѣтомъ, а второй—однажды въ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Слѣдовательно, въ теченіе года могло съѣздить, на казенный счетъ въ Петербургъ только шесть чиновниковъ, что изъ общаго ихъ числа составляло процентъ весьма ничтожный.

Хотя ежегодно контингентъ заводскихъ служащихъ нѣсколько и обновлялся прибывавшей изъ Петербурга молодежью,—горными инженерами, техниками [и чиновниками,—но молодежь эта, проведенная 8—10 лѣтъ въ стѣнахъ столичныхъ корпусовъ и училищъ, гдѣ жила большею частію замкнуто и изолированно, не много новаго и интереснаго могла привести съ собою заводскому обществу.

Всѣ эти условія дѣлали заводскую жизнь горныхъ чиновниковъ также болѣе или менѣе замкнутою въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ тою только разницею, что предѣлы эти были несравненно обширнѣе, чѣмъ у воспитанниковъ корпусовъ и училищъ.

Большинство изъ членовъ высшаго заводскаго общества воспитывалось въ корпусахъ и другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, а остальная часть ихъ представляла собою лицъ, съ домашнимъ или среднимъ образованіемъ, полученнымъ въ разныхъ второстепенныхъ училищахъ и гимназіяхъ.

Прежнія спеціальныя учебныя заведенія были устроены по образцу военныхъ корпусовъ, и въ нихъ господствовала одна и та же строгая, военная дисциплина.

Всѣ учащіеся проводили, почти безвыходно, по нѣсколько лѣтъ въ этихъ заведеніяхъ, среди товарищей, подъ постояннымъ и неослабнымъ контролемъ начальства. Только счастливики, имѣвшіе въ родѣ родныхъ, пользовались правомъ уходить къ нимъ по праздникамъ.

Помимо знаній, соотвѣствующихъ извѣстной спеціальности, большая часть воспитанниковъ очень мало пріобрѣтала другихъ, такъ сказать, общежитейскихъ свѣдѣній, способствовавшихъ къ болѣе полному и всестороннему умственному развитію.

Ученическія бібліотеки были очень скудны; доставать книги для чтенія на сторонѣ могли очень немногіе, а если кому и удавалось раздобыться какимъ-нибудь романомъ, то и его приходилось читать украдкой, остерегаясь зоркихъ глазъ дежурнаго офицера или класнаго наставника, которые не преминутъ тотчасъ секвестровать книгу.

Да и, строго говоря, русская литература въ то время, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ еще только начинала пробивать дорогу и догонять ушедшую отъ нея впередъ иностранную. Журналовъ и вообще періодическихъ изданій выходило, сравнительно, немного, а въ учебныхъ заведеніяхъ обрѣтались они въ крайне ограниченномъ количествѣ.

Поэтому, для жаждавшихъ духовной пищи ощущался замѣтный недостатокъ въ необходимыхъ источникахъ.

Зато большинство воспитанниковъ учебныхъ заведеній прежняго типа приобрѣтали и военную выправку, и нѣкоторый свѣтскій лоскъ, и умѣнье держать себя въ обществѣ. Уроки танцевъ, музыки, пѣнія и фехтованія, а равно и ученическіе спектакли, балы и концерты также не мало способствовали къ выработкѣ изъ нихъ пріятныхъ и полезныхъ членовъ общества. А постоянная, совмѣстная въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, жизнь воспитанниковъ, строго порицавшихъ и преслѣдовавшихъ разныя неприглядныя свойства, какъ-то: подхалюзничество, лбедничество, фанфаронство и многія другія, оказывала на большинство изъ нихъ самое благотворное вліяніе. Благодаря этому, обладавшіе вышеприведенными свойствами воспитанники успѣвали со временемъ нравственно исправиться, а другіе тщательно скрывать ихъ и проявлять при случаѣ, по возможности, осторожно и незамѣтно.

Такимъ образомъ, можно сказать, что мужской персоналъ высшаго круга заводскаго общества состоялъ, въ общемъ, изъ лицъ, получившихъ болѣе или менѣе достаточное, по тогдашнему времени, образованіе, особенно по спеціальнымъ предметамъ.

Что же касается женскаго персонала, то онъ въ этомъ отношеніи значительно уступалъ мужскому.

Кончившихъ курсъ въ институтахъ или частныхъ губернскихъ пансіонахъ насчитывалось весьма немного. Большинство же получало болѣе или менѣе поверхностное домашнее образованіе, подъ руководствомъ гувернантокъ, — что случалось, сравнительно, гораздо рѣже, — или мѣстныхъ учителей и учительницъ, услуги которыхъ требовались чаще и которымъ, въ большинствѣ случаевъ, родители всецѣло поручали образованіе и воспитаніе своихъ дѣтокъ.

Подводя подъ общій уровень умственного и нравственнаго развитія всѣ элементы высшаго заводскаго общества, мы придемъ къ заключенію, что оно представляло собою болѣе или менѣе образованныхъ, недурно воспитанныхъ и обладавшихъ свѣтскими манерами и кое-какими салонными талантами личностей.

Что же касается до болѣе широкаго и всесторонняго умственного развитія, то имъ, въ строгомъ смыслѣ, ни одна изъ нихъ не обла-

дала. Да и откуда, какимъ образомъ могли бы онѣ пріобрѣсти подобное развитіе? Одна, двѣ газетки, неизмѣнный календарь и почти полное отсутствіе книгъ и журналовъ не давали возможности слѣдить за современнымъ состояніемъ не только иностранной, но и своей, отечественной жизни, со всѣми ея запросами и требованіями. У очень немногихъ, среди книгъ по ихъ специальности, можно было найти десятокъ—другой романовъ и повѣстей современныхъ авторовъ, Массальскаго, Кукольника, Зотова, Марлинскаго, Дюма, Сю, Поля Феваля и т. п. Имена же Капта, Шопенгауэра, Гегеля, Огюста Конта, а позднѣе—Лассалья, Джона-Стюарта Милля, Дарвина и другихъ мыслителей и ученыхъ были совершенно незнакомы заводскому обществу. О ихъ трудахъ и ученіи не имѣли тамъ ни малѣйшаго понятія.

О томъ, что творилось не только за границей настоящей, но и за границей горнозаводскаго района, до мѣстнаго заводскаго общества доходили урывками лишь самыя поверхностныя, самыя скудныя свѣдѣнія. Да и эти свѣдѣнія воспринимались имъ какъ бы случайно безъ всякаго особаго интереса, благодаря оброненному въ разговорѣ газетному сообщенію, или извѣстію, почерпнутому изъ письма, полученнаго изъ Петербурга или какого-нибудь другаго города Россійской Имперіи.

Поэтому наши отцы и дѣды жили большею частію личными и мѣстными интересами, жили просто, не мудрствуя лукаво, безъ особыхъ запросовъ и требованій; ретиво или умѣренно трудились на служебномъ поприщѣ и, такъ или иначе, смотря по недостаткамъ, старались разнообразить свои досуги различными общественными развлеченіями.

Повседневный образъ жизни высшихъ горнозаводскихъ служащихъ былъ почти одинаковъ.

Всѣ члены семьи вставали довольно рано, часовъ въ 8—9 утра, и очень немногіе раньше или позже этого времени; обѣдали въ 3—4 часа по полудни, въ 7—8 часовъ вечера пили чай, въ 10—11 ужинали и до 12 часовъ ночи уже отправлялись на боковую.

Каждое воскресенье и въ большой церковный или царскій праздникъ, высшіе чиновники, послѣ молебна, прямо изъ собора, а не бывшіе въ послѣднемъ, изъ дому отправлялись къ горному начальнику.

Въ воскресенье и обыкновенные, праздничные дни, эти утренніе визиты дѣлались въ повседневной формѣ; въ царскіе же дни—въ полной парадной.

Они длились приблизительно часа полтора или два; время это визитеры проводили или въ игрѣ на билліардѣ, или въ разговорахъ, касавшихся разныхъ служебныхъ дѣлъ и общественныхъ новостей и событій.

Наговорившись, наигравшись и выпивъ, между прочимъ, по стакану кофе или чая, гости расходились по домамъ. Затѣмъ, въ четыре часа дня, тѣ же самыя лица, по приглашенію начальника, являлись къ обѣду, а въ восемь часовъ—провести запросто вечеръ.

Вечеромъ, обыкновенно, всѣ семейные служащіе пріѣзжали съ женами и взрослыми дочерьми.

Обычай принимать у себя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ своихъ сослуживцевъ соблюдался всѣми горными начальниками, въ теченіе всего крѣпостнаго времени и почти совершенно вывелся съ уничтоженіемъ послѣдняго.

Дни именинъ хозяина и хозяйки и взрослыхъ дочерей ихъ всюду и въ каждой семьѣ праздновались болѣе или менѣе торжественно.

Кромѣ большихъ, именинныхъ вечеровъ, на которые съѣзжалось все мѣстное общество и сослуживцы изъ другихъ заводовъ округа, устраивались еще въ семейныхъ домахъ маленькія вечеринки. На послѣднія собирались запросто болѣе короткія и близкія между собою лица и проводили время подобно тому, какъ и на обычныхъ воскресныхъ и праздничныхъ вечерахъ горнаго начальника.

Не мало удовольствія и развлеченія доставляли заводскому обществу и любительскіе спектакли.

Любителей драматическаго искусства въ каждомъ горномъ городѣ находилось достаточно. Для устройства сцены всегда представлялась возможность временно занять какое-либо изъ обширныхъ казенныхъ зданій, недостатка въ которыхъ не было. Декораторы, режиссеры и гримеры почти всегда имѣлись подъ рукою. Это—бывшіе воспитанники корпусовъ, гдѣ, въ свое время, они имѣли не одинъ случай приобрести достаточно свѣдѣній по театальной части.

И, дѣйствительно, какъ устройство сцены, такъ и самая постановка спектаклей, въ нѣкоторыхъ городахъ, отличались всегда и художественнымъ вкусомъ и прекраснымъ ансамблемъ актеровъ-любителей. А нѣкоторые изъ нихъ исполняли свои роли прямо-таки артистически.

Не такъ давно вспоминали еще заводскіе старожилы о выдававшейся игрѣ горныхъ инженеровъ Г. А. Юсса, М. Н. Хирьякова и И. В. Любарскаго, изъ которыхъ первый, еще бывши въ корпусѣ, превосходно исполнялъ роли старухъ.

Однимъ изъ наиболѣе любимыхъ развлеченій, на святкахъ, было—костюмироваться.

У горнаго начальника, въ Новый годъ или наканунѣ его, устраивался обыкновенно грандіозный костюмированный вечеръ, отличавшійся разнообразіемъ и оригинальностью прекрасно исполненныхъ костюмовъ.

Не довольствуясь однимъ этимъ вечеромъ, молодежь, въ болѣе простыхъ костюмахъ, небольшими компаніями ѣздила по вечерамъ изъ дома въ домъ къ своимъ знакомымъ. При этомъ соблюдался такой порядокъ, чтобы, объѣхавъ нѣсколько, по пути лежащихъ, домовъ, остаться на остальную часть вечера въ заранѣ намѣченномъ. Обыкновенно избирался такой семейный домъ, гдѣ имѣлся просторный залъ, съ фортепіано или органомъ, чтобы можно было вволю и съ удовольствіемъ поплясать и повеселиться.

Святочные гаданья также играли не послѣднюю роль въ забавахъ всѣхъ слоевъ женскаго общества.

Заводскія барышни и дѣвушки гадали разнообразными способами, но всѣ преслѣдовали при этомъ одну и ту же цѣль—узнать, что сулитъ имъ судьба въ будущемъ и скоро ли и какой именно суженый достанется на ихъ долю.

Такимъ образомъ, зимній сезонъ на Уральскихъ заводахъ проводился, въ общемъ, довольно пріятно и разнообразно.

XI.

Четырехъ-мѣсячный періодъ, съ 1-го мая по сентябрь, считался лѣтнимъ сезономъ и имѣлъ свои особые развлечения.

Въ теченіе полутора или двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда рабочій людъ увольнялся на полевые работы, и заводскія фабрики или вовсе прекращали или значительно сокращали свои дѣйствія, всѣ служащіе пользовались болѣе или менѣе свободнымъ временемъ и употребляли его на удовлетвореніе своихъ разнородныхъ склонностей.

Одни предавались охотѣ, другіе—рыбной ловлѣ, третьи устраивали катанья въ лодкахъ по заводскому пруду или поѣздки за городъ, пикникомъ, въ какое-либо живописное мѣстечко, недостатка въ которыхъ никогда не было.

Пользовались этимъ временемъ и коллекціонеры, старательно пополняя свои коллекціи новыми или лучшими экземплярами. Нѣкоторые инженеры и чиновники успѣвали составить, за время своей службы, весьма полныя и тщательно подобранныя коллекціи минераловъ, растений и насѣкомыхъ. Изъ первыхъ встрѣчались иногда на столько цѣнныя, что желавшіе приобрести ихъ предлагали коллекціонерамъ очень купныя суммы, отъ трехъ, пяти и до десяти тысячъ рублей.

Пикники бывали двухъ родовъ: съ участіемъ дамъ и исключительно мужскіе.

На первыхъ собирали ягоды, грибы, играли въ разныя игры: въ

горѣлки, въ жмурки. На разостланныхъ на травѣ коврахъ пили чай, а потомъ, позднѣе, закусывали. Около ковровъ горѣли костры и отгоняли дымомъ комаровъ и мошекъ.

Совсѣмъ другую картину представляли собою пикники мужскіе.

Объ одномъ изъ нихъ пріятель и сослуживецъ моего отца, Зварковский, рассказалъ мнѣ однажды слѣдующее:

— Большой компаніей, человекъ изъ двадцати, отправились мы въ просторныхъ лодкахъ, версты за три, вверхъ по заводскому пруду. Мѣстечко облюбовали прекрасное, ровное, нѣсколько возвышенное, окруженное деревьями и кустами и всего въ какихъ-нибудь сорока саженихъ отъ берега. Всякихъ закусокъ и винъ захватили съ собой въ изобиліи. День выдался чудный, не особенно жаркій и безвѣтренный. Среди насъ добрая половина состояла изъ бывшихъ кадетъ. Намъ невольно припомнилась бывшая кадетская жизнь, и мы задумали поразвлечься незабытыми еще нами прежними юношескими забавами. Играли въ городки, лапту, чехарду, свайку; бѣгали, школьничали, пѣли, не забывая въ то же время и подкрѣплять свои силы. А въ источникахъ для этого недостатка не было, уже не говоря о всевозможныхъ закускахъ и яствахъ, въ видѣ наштетовъ, кулебякъ, дичи и только-что сваренной, изъ наловленной неведомъ рыбы, ухи.

Большихъ охотъ со сворами гончихъ, выжлятниками, доѣзжащими и цѣлымъ штатомъ загонщиковъ и другой охотничьей прислуги, какъ это водилось въ старину среди богатыхъ помѣщиковъ, въ заводскхъ не было.

Охотились преимущественно за болотною и лѣсною дичью, или въ одиночку, или небольшими компаніями, какъ, напримѣръ, на тягѣ вальдшнеповъ. Въ послѣдней охотѣ принимали иногда участіе и дамы, но только въ качествѣ зрительницъ.

Устраивались временами и облавы на зайцевъ, дикихъ козъ, лисицъ, оленей, волковъ и другихъ, дикихъ животныхъ. Звѣрей этихъ выгоняли изъ лѣса на охотниковъ цѣлыя артели рабочихъ и подростковъ, вспугивая ихъ своимъ крикомъ и трещетками.

Встрѣчались среди служащихъ и охотники на крупнаго звѣря—медвѣдя.

Его или поднимали въ берлогѣ и убивали, по выходѣ изъ нея, изъ ружья, или же, принимали на рогатину и приканчивали ножомъ.

Послѣдній способъ преимущественно употреблялся мастеровыми—медвѣжатниками.

Били медвѣдей и съ лабаза, т. е. съ устроеннаго на древесныхъ вѣтвяхъ помоста, недалеко отъ котораго клалась на землю какая-либо падаля. Этотъ родъ охоты, какъ наиболѣе безопасный, практиковался, сравнительно, чаще.

Медвѣдей, въ прежнее время, особенно въ дачахъ Богословскаго и Гороблагодатскаго округовъ, водилось множество. Они бывали иногда на столько нахальны, что появлялись у самыхъ селеній и даже забирались въ ограды жилыхъ домовъ, гдѣ давили коровъ, овецъ и другую домашнюю скотину.

Не разъ заводскія женщины и дѣвушки, отправляясь въ лѣсъ за ягодами, особенно за малиной, встрѣчались съ косолапымъ Мишкой. Но почти не было случая, чтобы которая-нибудь изъ нихъ сдѣлалась его жертвою. Или звѣрь, завидя людей, уходилъ прочь, или люди спѣшили отъ него скрыться.

Между прочимъ, я слышалъ разсказъ о такомъ случаѣ:

Одна изъ женщинъ, уединясь отъ подругъ, забралась въ глухой уголокъ лѣса и, безопасно напѣвая пѣсенку, срывала спѣлую и сочную ягоду съ густыхъ и высокихъ кустовъ малинника. Вотъ, видитъ она надъ собою цѣлую вѣтку крупныхъ ягодъ, потянулась за нею и нагибаетъ ее къ себѣ; но вѣтка вырывается изъ рукъ и отклоняется въ противоположную сторону. Предположивъ, что это одна изъ ея подругъ, пробравшись за нею, вздумала ее поддразнивать, женщина снова хватается за вѣтку, но послѣдняя вторично вырывается.

— Ой, кто это тамъ балуетъ? проговорила она:—не трожь, это мои ягоды, я первая, ихъ запримѣтила.

Но отвѣта изъ-за кустовъ не послѣдовало.

Желая узнать притаившуюся соперницу, собирательница ягодъ осторожно раздвинула кусты, заглянула и, громко вскрикнувъ, безъ чувствъ свалилась на траву.

Тамъ, на ту сторону малинника, стоялъ на заднихъ лапахъ не кто иной, какъ самъ г. Толтыгинъ. Онъ, какъ извѣстно, большой лакомка и любитель плодовъ этого кустарника.

Удивленный и даже нѣсколько испуганный крикомъ, а затѣмъ наступившимъ молчаніемъ, Михайлъ Ивановичъ подошелъ къ женщинѣ, обнюхалъ ее и, забравъ въ свои лапы, отнесъ шаговъ за двадцать въ сторону. Затѣмъ положилъ на траву и, накидавъ на нее цѣлый ворохъ разнаго, сухаго хвороста, удалился въ лѣтную трущобу.

Черезъ нѣсколько времени женщина пришла въ себя, осмотрѣлась и, съ ужасомъ припомнивъ случившееся, начала неистово кричать и звать на помощь.

Къ этому крику присоединился другой, дѣтскій. Оказалось, что одна изъ собирательницъ ягодъ, дѣвочка-подростокъ была свидетельницей вышеописанной сцены: она собирала ягоды какъ разъ близъ того мѣста, на которое перетащилъ медвѣдь упавшую въ обморокъ женщину.

Находившіеся не особенно далеко остальные товарки, услыхавъ

призывные крики, прибѣжали къ мѣсту происшествія и, освободивъ изъ-подъ груды хвороста перепуганную подругу, всѣ вмѣстѣ поспѣшили скорѣй выбратся на дорогу и избѣжать встрѣчи съ непріятнымъ конкурентомъ по сбору ягодъ.

Одно изъ развлеченій заводскаго общества не признавало никакихъ сезоновъ и во всякое время года одинаково процвѣтало повсемѣстно. Это—карточная игра.

Играли во всевозможныя коммерческія и азартныя игры. Къ первымъ предпочтительно принадлежали бостонъ, а затѣмъ—ералашъ и пикетъ. Къ послѣднимъ—банкъ, цвикъ, трынка и, позднѣе, стуколка. Помимо исключительно карточныхъ вечеровъ, на которыхъ составлялось два-три столика, играли и на балахъ, и на семейныхъ вечерахъ, въ особо отведенныхъ для того комнатахъ.

Въ коммерческія игры играли, сравнительно, по довольно скромному кушу, и онѣ оканчивались обыкновенно 10-ю, 20-ю рублями и весьма рѣдко болѣе.

Въ азартныя же выигрывались и проигрывались сотни, тысячи и даже десятки тысячъ рублей.

Такая особенно крупная игра велась, главнымъ образомъ, въ Екатеринбургѣ, среди золотопромышленниковъ и купечества, къ которымъ присоединялись довольно часто и кое-кто изъ горныхъ инженеровъ и чиновниковъ.

Когда случалось такой компаніи азартныхъ игроковъ сражаться на зеленомъ полѣ въ семейныхъ домахъ или даже у главнаго начальника, во время большихъ, именинныхъ вечеровъ или баловъ, то одинъ изъ постоянныхъ членовъ ея, купчикъ Зарѣзовъ, являлся туда, каждый разъ, съ изряднымъ запасомъ винъ и шампанскаго. Онъ прекрасно зналъ привычку своихъ партнеровъ—подкрѣплять, время отъ времени, свои силы живительною влагою.

Корзины и кульки такихъ запасовъ лежали въ экипажѣ Зарѣзова, подъ охраной, всѣмъ извѣстнаго кучера его, Митрофана.

Во время краткихъ антрактовъ карточной баталіи, всѣ ея участники, съ Зарѣзовымъ во главѣ, выходили въ ограду и вдохновлялись, для дальнѣйшихъ подвиговъ, разнообразнымъ содержимымъ нещадно опустошаемыхъ корзинъ и кулекъ.

Въ мундирахъ и фракахъ нѣкоторые даже безъ шляпъ, окруживши экипажъ, стояли картежники и подставляли свои стаканы Митрофану, который, отбивъ горлышко у бутылки, наполнялъ ихъ разными винами, сообразуясь съ извѣстнымъ ему вкусомъ cadaго. Въ темныя ночи сцена эта освѣщалась стоявшимъ на козлахъ фонаремъ и представляла собою довольно оригинальную жанровую картинку.

Исключительно карточные вечера устраивались большею частью въ квартирахъ холостяковъ и не всегда проходили спокойно и миролюбиво. Иногда, хотя и очень рѣдко, изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, а подѣ-часъ и изъ-за болѣе или менѣе крупнаго и не совсѣмъ благовиднаго поступка, совершеннаго кѣмъ-либо изъ партнеровъ, возникали шумныя пререканія, горячіе споры и даже чувствительныя потасовки.

Подобные инциденты проявлялись, впрочемъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ числѣ партнеровъ, попадались личности съ не совсѣмъ чистоплотными замашками, личности, не стѣснявшіяся, подѣ шумокъ, и передернуть карту во время метки банка, и припрятать въ рукавъ лишняго туза, въ стуколкѣ или трынкѣ, словомъ, такъ или иначе сплутовать и незаконно поживиться на счетъ ближняго.

Слышалъ я, между прочимъ, объ одномъ весьма комичномъ эпизодѣ, дѣйствующими лицами котораго были горный чиновникъ и заводскій священникъ съ своею благовѣрною супругою, а зрителями—хозяинъ дома, командиръ полуроты и денщикъ его, солдатъ.

Это было раннимъ, лѣтнимъ утромъ.

Съ вечера и всю ночь у ротнаго командира человѣкъ пять-шесть партнеровъ дулись цѣлую ночь въ стуколку; трое изъ нихъ разошлись по домамъ почти на разсвѣтѣ, а двое—чиновникъ и священникъ, затѣяли еще сыграть вдвоемъ нѣсколько королей въ пикетъ.

Попику сильно не везло, и вотъ онъ вздумалъ сплутовать и подмѣнить карту, но сдѣлавъ это такъ неловко и неудачно, что былъ накрытъ и уличенъ своимъ партнеромъ, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія. Оба они, въ эту минуту, подкрѣпляя силы въ теченіе ночи живительною влагою, изъ стоявшихъ въ сторонкѣ бутылокъ и графинчиковъ, находились уже въ замѣтно возбужденномъ состояніи.

Не говоря лишнихъ словъ, горный чиновникъ, мужчина плотный и крѣпко сложенный, ухватилъ за рѣдкую, клинообразную бороденку малорослаго и тщедушнаго отца Ивана, вытащилъ его изъ-за стола и сталъ водить по комнатѣ, хладнокровно проговаривая:

— Батя, не плутуй! Батя, не плутуй!

Попикъ упирается, кричитъ, стонетъ, а хозяинъ и денщикъ, глядя на эту сцену, помираютъ со смѣху.

Между тѣмъ, не задолго до этого, отзвонили къ обѣднѣ, которую, какъ очередной священникъ, долженъ былъ служить отецъ Иванъ. И вотъ въ самый разгаръ только-что приведенной сцены въ комнату врывается его жена, шустрая и бойкая попадья. Увидѣвъ, въ какомъ унижительномъ и жалостномъ положеніи находится ея супругъ, она, съ визгомъ и крикомъ, кидается ему на помощь. Но чиновникъ, при появленіи попадьи, выпустилъ изъ рукъ еще бо-

лѣе порѣдѣвшую бороду отца Ивана, а попадая, ухвативъ его за рясу, потащила домой, осыпая на прощанье и хозяина и гостя самою изысканною и отборною бранью.

Картина получилась, по истинѣ, презабавная и грустная.

Но случай этотъ не пошелъ въ прокъ отцу Ивану. Онъ не переставалъ проводить дни и ночи за картами; не переставалъ, въ минуты несчастія, передергивать карты; все больше и больше продолжалъ манкировать своими обязанностями и, въ концѣ концовъ, былъ разстриженъ и лишенъ духовнаго сана.

Въ общемъ, результаты азартной игры были неблагопріятны для большинства картежниковъ. Солидные, переходившіе изъ одного кармана въ другой, куши никого изъ нихъ не обогатили, но матеріальное состояніе подорвали многихъ, особенно семейныхъ.

Зато для лакеевъ, державшихъ карты въ домахъ хозяевъ картежниковъ, гдѣ чаще всего велись азартныя игры, эти послѣднія представляли постоянную и обильную жатву, которую, безъ всякихъ затратъ, снимали они съ драгоцѣннаго, зеленого поля.

Въ теченіе одного вечера тратилась нерѣдко цѣлая масса картъ: чуть кому не повезетъ, онъ кидаетъ на полъ колоду и беретъ новую. Къ утру, на полу комнаты, валялись онѣ дюжинами. А за каждую дюжину, обходившуюся при покупкѣ въ ихъ шесть рублей, игроки уплачивали двѣнадцать. Слѣдовательно, лакеи выгадывали на картахъ сто процентовъ чистаго барыша.

Не мудрено поэтому, что, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, нѣкоторые, долго служившіе на одномъ мѣстѣ, лакеи имѣли полную возможность сколотить весьма изрядный капиталецъ.

Въ случаѣ безденежья хозяевъ, они охотно снабжали ихъ, заимобразно, довольно крупными суммами, которыя при первомъ же благопріятномъ результатѣ игры возвращались имъ съ процентами. Но, случалось иногда, что хозяева, въ концѣ концовъ, прогорали и оставались неоплатными должниками своихъ лакеевъ. Послѣдніе, впрочемъ, безропотно мирились съ этимъ, ибо, и помимо пропавшихъ въ долгу денегъ, у нихъ все же оказывались на столько солидные капиталы, что они вскорѣ же мѣняли свое низкое, лакейское званіе на болѣе высокое и видное.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ подобныхъ лакеевъ открылъ большую, прилично обставленную гостиницу, съ прекраснымъ буфетомъ, хористками, отдѣльными кабинетами и тому подобными удобствами, и, управляя ею, до самой смерти, жилъ себѣ припѣваячи.

XII.

Мелкое чиновничество также доставляло себѣ, въ праздничные и торжественные семейные дни, разнаго рода развлеченія, подражая, въ этомъ отношеніи, своему начальству. Только именинныя празднества и вечеринки его отличались большею простотою и непринужденностью и устраивались, разумѣется, въ значительно меньшихъ и скромныхъ размѣрахъ.

Простой рабочій людъ, въ свою очередь, тоже не оставался безъ развлеченій.

Въ осеннее и зимнее время играми, среди нихъ, первенствующую роль, такъ называемая, посидѣлки. Болѣе или менѣе значительная компанія знакомыхъ между собою дѣвушекъ и парней собиралась у кого-либо изъ сосѣдей, имѣвшихъ лишнюю комнату, или горницу. Тамъ, при свѣтѣ горящей лучины, сидя за прялками, молодыя дѣвушки и женщины распѣвали хоровыя пѣсни, балагурили, въ антрактахъ, съ парнями и угощались разнымъ, незатѣйливымъ лакомствомъ: пряниками, орѣхами и сѣмечками отъ подсолнуховъ.

Угощеніе это приобреталось обыкновенно любезными кавалерами, въ складчину, и радушно предоставлялось въ полное распоряженіе прекраснаго пола.

Среди кавалеровъ всегда находились и музыканты, развлекавшіе собравшееся общество игрою на балалайкѣ или гармоникѣ. При этомъ болѣе веселые и удалые пускались въ плясъ и ловко отхватывали трепака.

Во время Святковъ, но вечерамъ, ходили по улицамъ и заходили въ знакомыя избы толпы ряженыхъ.

На масляницѣ устраивались общественныя, ледяныя горы, или катушки, съ которыхъ мужчины, на небольшихъ санкахъ, скатывали знакомыхъ женщинъ и дѣвушекъ.

Кромѣ того, любимыми забавами подростковъ и молодыхъ мастеровыхъ были игры въ снѣжки и города, или крѣпости.

Послѣдняя состояла въ томъ, что, на пруду, на нѣкоторомъ разстояніи одна противъ другой, расчищались двѣ четырехъ-угольныя площадки и огораживались, со всѣхъ сторонъ, довольно высокими и толстыми, сдѣланными изъ снѣга, стѣнами.

Сооруженія эти назывались крѣпостями, или городами.

Каждая изъ нихъ имѣла свой гарнизонъ и свои снаряды, состоявшіе изъ плотно скатанныхъ, снѣжныхъ комьевъ.

Во главѣ гарнизоновъ стояли особые начальники-коменданты, которые распоряжались ими во время штурма крѣпости, занятой противникомъ, или при защитѣ, отъ нападенія послѣдняго, своей собственной.

Приступая къ штурму, толпа мастеровыхъ стремительно, съ громкимъ гиканьемъ и криками ура, бросалась на непріятельскую крѣпость, нещадно осыпая противника снѣжною картечью и стараясь всѣми силами пробить снѣжныя стѣны и ворваться внутрь крѣпости.

Само собою, что если, по окончаніи военныхъ дѣйствій, и не оказывалось убитыхъ, то легко раненыхъ насчитывалось каждый разъ весьма не мало.

Весною, на Пасхѣ, въ Троицынъ и Духовъ день, а лѣтомъ, въ Петровки, устраивались на площадяхъ общественныя качели, обыкновенныя и вращающіяся.

Большая часть мужскаго персонала не прибѣгала, въ этихъ случаяхъ, къ возбуждающимъ средствамъ, полштофамъ и шкаликамъ, хотя, конечно, встрѣчались среди него и слегка выпившіе; но ихъ, сравнительно, бывало немного, а совершенно пьяные насчитывались единицами.

А между тѣмъ, въ прежнее время, когда процвѣталъ откупъ, не только въ горныхъ городкахъ, маленькихъ заводахъ, но и въ болѣе или менѣе людныхъ селеніяхъ недостатка въ питейныхъ заведеніяхъ не было. Но или пили умѣреннѣе, или вели себя скромнѣе, или строже былъ надзоръ за общественнымъ порядкомъ и благочиніемъ, только такого пьянаго разгула, такихъ безобразій и безчинствъ, какіе въ послѣдніе годы наблюдались и наблюдаются, въ праздничные дни среди заводскаго и фабричнаго люда, въ прежнее крѣпостное время, по крайней мѣрѣ, на Уральскихъ заводахъ, замѣтно не было.

Ни о какихъ хулиганахъ, ни о какой расправѣ ножами, ни о безпрестанныхъ увѣчьяхъ и даже убійствахъ, совершаемыхъ нынѣ пьяными ордами, тамъ и не слыхивали. А если и случалось порой что-либо подобное, то уже представляло собою нѣчто исключительное и чрезвычайное.

Это тѣмъ удивительнѣе, что, во-первыхъ,—въ крѣпостное время кабаки, какъ извѣстно, процвѣтали всюду, а откупщики, съ ихъ громаднымъ штатомъ довѣренныхъ, цѣловальниковъ и сидѣльцевъ, страшно богатѣли и благоденствовали, и, во-вторыхъ, — уровень умственнаго развитія прежнихъ заводскихъ мастеровыхъ былъ значительно ниже, чѣмъ нынѣшнихъ, и большинство ихъ не знало даже грамоты.

Казалось бы, что при такихъ условіяхъ скорѣе долженъ былъ выработаться болѣе грубый элементъ горно-заводскаго населенія, чѣмъ современное его поколѣніе. И это несомнѣнно имѣло бы мѣсто, если бы каждая семья рабочаго люда не стояла, въ старину, на крѣпкихъ устояхъ, освященныхъ обычаемъ и преданіемъ.

Воспитанная въ страхъ Божіе, повиновеніи родителямъ и уваженіи къ старшимъ, прежняя, заводская молодежь была, естественно,

и сдержаннѣе, и почтительнѣе, и скромнѣе нынѣшней и не предъявляла, подобно ей, какихъ-то особыхъ и подѣ-часъ несуразныхъ требованій.

Познакомивъ читателя съ разнородными развлеченіями всѣхъ слоевъ общества, упомяну, кстати, еще объ одномъ изъ нихъ, которое доставлялъ и чиновникамъ и рабочему люду сплавъ заводскаго весенняго каравана.

Каждый заводъ устраивался при такой рѣкѣ, которая удовлетворяла бы слѣдующимъ условіямъ: во-первыхъ, чтобы она, при запруженіи ея плотиною, давала возможность образованію такого скопа воды, котораго было бы достаточно для приведенія въ дѣйствіе водяныхъ двигателей заводскихъ фабрикъ, въ теченіе цѣлаго года. Во-вторыхъ, чтобы рѣка эта, или непосредственно, или посредствомъ другой, въ которую она впадаетъ, сообщалась съ какою-либо значительною и судоходною, если и не въ теченіе всего лѣта, то хотя въ весеннюю пору, рѣкою.

На первой или второй изъ нихъ, смотря по тому, гдѣ оказывалось болѣе удобное и подходящее для стоянки барокъ мѣстечко, возводилась плотина съ шлюзами и устраивался небольшой прудъ.

По берегамъ рѣчки и пруда селились рабочіе, занимавшіеся постройкой барокъ и входившіе въ составъ судовыхъ командъ каравана.

Такимъ образомъ, возникали поселки, носившіе названіе пристанскихъ селеній, или просто заводскихъ пристаней.

Въ каждомъ изъ нихъ имѣлся приличный, заводскій домъ, на случай пріѣзда начальства, и нѣсколько просторныхъ зданій магазиновъ, для склада и храненія доставляемыхъ съ завода металловъ и издѣлій.

Завѣдываніе пристанью поручалось особому смотрителю изъ урядниковъ или мелкихъ чиновниковъ, съ небольшимъ штатомъ вахтеровъ, писцовъ и сторожей.

До пристаней заводскіи производства доставлялись гужемъ, на лошадяхъ.

Берега горныхъ рѣчекъ, по которымъ сплавливались барки, состояли мѣстами на довольно значительномъ протяженіи изъ высокихъ, самыхъ прихотливыхъ формъ, скалъ, то совсѣмъ голыхъ, то густо покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, и считались чрезвычайно живописными.

Поэтому нѣкоторые инженеры и чиновники, пользуясь весеннимъ караваномъ, устраивали нѣчто въ родѣ пикниковъ, спускаясь цѣлою компаніей изъ мужчинъ, дамъ и дѣтей, на главной баркѣ-казенкѣ, верстъ за шестьдесятъ и болѣе, внизъ по рѣкѣ до какой-либо деревни, связанной съ заводомъ грунтовою дорогою. Отсюда, въ поданныхъ изъ домовъ экипажахъ, возвращались въ заводъ уже па лошадяхъ.

На палубѣ казенки всегда имѣлись каюты для караванныхъ служащихъ. Въ болѣе просторныхъ и удобныхъ изъ нихъ располагались обыкновенно всѣ, участвовавшіе въ пикникѣ, лица. За недостаткомъ помѣщенія въ каютахъ, разбивались на палубѣ временныя холщевыя палатки.

Вотъ насталъ день, назначенный для отвала каравана отъ пристани.

Рядъ барокъ, нагрузка которыхъ заводскими произведеніями была окончена еще наканунѣ, съ своими лопманами, рулевыми и прочими судорабочими, стоялъ уже вдоль берега, ожидая сигнала тронуться въ далекій путь.

Раннимъ утромъ, одинъ за другимъ, подкатило къ пристани нѣсколько экипажей, съ участниками пикника, которые тотчасъ же взошли, по сходнямъ, на казенку и расположились на ея палубѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, появился на ней и священникъ съ причтомъ и началъ служить напутственный молебенъ.

Только-что онъ окончился, какъ раздались одинъ за другимъ три залпа изъ небольшой, мѣдной пушки, укрѣпленной на носу казенки.

Это—сигналъ къ отвалу каравана.

Вся посторонняя публика спѣшила сойти съ барокъ, и, послѣднія, одна за другой, во главѣ съ казенкой, стали отходить отъ пристани и, то медленно, то быстро, смотря по скорости теченія воды, понеслись внизъ по рѣкѣ, по хорошо извѣстному лопманамъ фарватеру.

Пока барки проходили по знакомымъ еще мѣстамъ, собравшееся на казенкѣ общество занималось чаепитіемъ. Одна изъ старшихъ дамъ принимала на себя обязанность хозяйки и усердно угощала всю компанію. За утреннимъ чаемъ слѣдовали завтракъ, обѣдъ, вечерній чай и ужинъ.

Въ антрактахъ велись разговоры, затѣвались игры и уже непрерывно составлялась партія въ бостонъ или ералашъ.

Во время остановокъ на ночевку, желающіе сходили на берегъ, гуляли, любовались окрестностями, охотились, ловили рыбу и вообще время даромъ не теряли.

Такимъ образомъ, въ знакомой, дружной компаніи, весело и непринужденно, небольшое общество проводило два—три дня, а иногда и болѣе. Послѣднее зависѣло отъ разныхъ, непредвидѣнныхъ и неизбѣжныхъ порой, при всякаго рода путешествіяхъ, обстоятельствъ.

Случалось иногда, что одна изъ барокъ, уклонившись отъ фарватера, становилась на мель и останавливала на время дальнѣйшее движеніе остальныхъ барокъ. Тогда всѣ судовыя команды являлись на помощь замелѣвшей баркѣ и, общими усиліями, старались какъ можно скорѣе снять ее съ мели.

Общество, пользуясь подобнымъ обстоятельствомъ, высаживалось на берегъ и съ интересомъ слѣдило за ходомъ работъ, дружно и толково производившихся рабочими.

Достигнувъ намѣченного пункта, участники пикника, хотя нѣсколько и утомленные непривычнымъ, водянымъ путемъ-дорогой, но все же довольные, что совершили его, усаживались въ поданные имъ экипажи и, кружнымъ путемъ, возвращались домой.

Караванъ же, съ бѣльшимъ или мѣньшимъ благополучіемъ, направлялся далѣе и вступалъ въ Каму. Изъ Камы, смотря по мѣсту, куда назначена доставка заводскихъ произведеній, часть барокъ шла внизъ по Волгѣ, пользуясь попутнымъ теченіемъ, или поднималась бечевой, а впослѣдствіи пароходомъ, вверхъ по рѣкѣ, до Нижняго-Новгорода.

Случалось, что нѣкоторыя барки, не доходя до мѣста назначенія, разбивались о крутые и скалистые берега горныхъ рѣчекъ, особенно Ая и Чусовой, довольно частые, чуть не подъ прямымъ угломъ, изгибы и страшная быстрина теченія которыхъ, несмотря на опытность лодмановъ, нерѣдко служили главною причиною аварій заводскихъ барокъ.

Добытые, по спадѣ весеннихъ водъ, изъ затонувшихъ барокъ металлы и издѣлія складывались на берегъ и уже значительно поздне, въ срединѣ лѣта, доставлялись къ мѣстамъ ихъ сбыта.

Для этого сооружался особый, такъ называемый, дополнительный караванъ, состоявшій изъ судовъ значительно мѣньшихъ размѣровъ, называемыхъ полубарками.

И для пристанскихъ жителей дни, предшествовавшіе отвалу каравана, представляли собою особые мѣстные праздники. Ихъ родственники и знакомые, отираваясь па цѣлые пять мѣсяцевъ, въ качествѣ судовой команды, въ Нижній-Новгородъ и заполучивъ впередъ извѣстную часть довольно высокой рабочей платы, считали долгомъ доставить на прощаніе своимъ односельчанамъ возможно больше удовольствій предложеніемъ обильнаго угощенія водкой, закуской и лакомствами.

У караванныхъ рабочихъ, подобно рекрутамъ, было въ обычаѣ— послѣдніе дни передъ уходомъ каравана вволю попить и повеселиться. Устраивались качели и скакульки, разбивались палатки торговцевъ; водились хороводы; раздавались звуки балалаекъ и гармоникъ, и весь небольшой контингентъ пристанскаго населенія проводилъ, около недѣли, такъ же шумно и весело, какъ и во время праздниковъ Пасхи.

Такъ текла цѣлые десятки лѣтъ ровною и тихою струею общественная жизнь на Уральскихъ заводахъ.

Только три крупныя событія, и то на короткій срокъ, нарушили за все это время ровное и спокойное ея теченіе.

Два изъ нихъ заключались въ посѣщеніи Уральскихъ заводовъ высокими гостями, а именно: герцогомъ Максимилианомъ Евгеніевичемъ Лейхтебергскимъ—въ началѣ 40-хъ и наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ—въ началѣ 50-хъ годовъ.

Герцогъ, сколько помнится, посѣтилъ всѣ главные заводы, за исключеніемъ Богословскаго, а наслѣдникъ цесаревичъ—только Екатеринбургъ и Мясскіе золотые промыслы.

Изъ посѣщенія герцогомъ Кушвинскаго завода я смутно припоминаю слѣдующій эпизодъ:

Часть улицы и стоявшій на ней домъ горнаго начальника, въ которомъ помѣщался его высочество съ своею свитою, были прекрасно иллюминированы. Толпы народа тѣснились около дома и, по появленіи на балконѣ герцога, привѣтствовали его дружными и громкими криками ура. Его высочество выходилъ на балконъ нѣсколько разъ и кидалъ въ толпу мелкія серебряныя монеты, которыя подхватывались ею, при чемъ, разумѣется, не обходилось безъ свалки и неизбѣжныхъ послѣдствій ея—толковъ, тумаковъ, а порой чувствительныхъ зуботычинъ.

Третьимъ событіемъ, случившимся лѣтомъ 1845 года, было землетрясеніе. Оно ощущалось, въ бѣльшей или мѣньшей степени, въ разныхъ мѣстахъ Гороблагодатскаго округа и представляло собою едва-ли не единственный случай этого сейсмическаго явленія на Уралѣ.

Мнѣ было тогда около пяти лѣтъ, и случай этотъ до сихъ поръ прекрасно сохранился въ моей памяти.

Отца и матери не было дома. Я игралъ въ залѣ, а моя бывшая кормилица, продолжавшая жить у насъ въ качествѣ няни, сидѣла въ дѣтской у кровати спавшаго брата. Вдругъ послышался какой-то странный глухой шумъ. Стѣны и оконныя стекла дома замѣтно дрогнули, всѣ легкіе предметы, какъ, напримѣръ, розетки на подсвѣчникахъ и на висѣвшихъ по стѣнамъ бра затрепетали и зазвенѣли, какъ будто какая-то, невидимая рука полегоньку ихъ встряхивала; небольшіе столики, стулья и прочая легкая мебель чуть замѣтно но все же явственно, колебались; даже полъ, словно палуба судна во время качки, слегка покачивался.

Не постигая, что все это значитъ, не столько напуганный, сколько удивленный, я оставилъ игрушки и стоялъ среди зала въ полнѣйшемъ недоумѣніи. Изъ него вывела меня вбѣжавшая ко мнѣ няня. Блѣдная, страшно перепуганная, она схватила меня за руку и, бросившись на колѣни передъ образомъ, крикнула:

— Свѣтопреставленіе! Молись! Молись!

Она истово закрестилась и стала класть земные поклоны. Я послѣдовалъ ея примѣру и, также ставъ на колѣни, началъ усердно молиться.

Землетрясеніе продолжалось очень недолго, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, а потому навѣянные имъ, на большинство заводскихъ жителей, страхи и ужасы вскорѣ же разсѣялись.

Не безынтересно узнать, какіе мизерные оклады получали наши отцы и дѣды, и какимъ образомъ ухищрялись они, при этихъ условіяхъ, не только сводить концы съ концами, но и жить домовито, на широкую ногу и даже съ нѣкоторымъ комфортомъ

Принимая въ расчетъ всѣ суммы, входившія въ общій окладъ содержанія по должности, т. е. жалованье, столовые и квартирные деньги ¹⁾, по штату 1847 года, инженеры получали въ годъ:

Горные начальники отъ	1.500 р.	до 1.800 р.
Ихъ помощникъ		900 "
Управители заводовъ отъ	540 "	" 825 "
Ихъ помощники и смотрители отъ	300 "	" 480 "
Механики		420 "

Въ настоящее же время горные начальники получаютъ 6.000—7.000 р., управители—3.000—3.600 р., смотрители—1.500—2.400 р., высшіе конторскіе служащіе—1.200—2.400 и низшіе—300—600 руб.

По сравненіи нынѣшнихъ окладовъ съ прежними, увидимъ, что первые увеличены болѣе, чѣмъ въ четыре раза противъ послѣднихъ, а жизненные припасы вздорожали, сравнительно съ прежними, самое большее въ 2¹/₂ или 3 раза, и то собственно мѣстные, а все, привозимое издалека, не только не вздорожало, но, благодаря пароходамъ и желѣзнымъ дорогамъ, даже нѣсколько подешевѣло.

А между тѣмъ нынѣшніе, значительно увеличенные оклады только что обезпечиваютъ семейнымъ служащимъ болѣе или менѣе скромную, безъ особыхъ затѣй и излишествъ, жизнь и возможность дать своимъ дѣтямъ высшее образованіе.

Поэтому и общественная жизнь заводскаго общества стала нынѣ совсѣмъ иною.

Прежнія требованія ея постепенно и незамѣтно стуживались, а частые и многолюдные балы и вечера, широкое хлѣбосольство и гостепріимство давно уже уступили мѣсто значительно болѣе скромнымъ, рѣдкимъ и менѣе люднымъ вечеринкамъ.

Не мало способствовалъ этому и наплывъ въ заводскую среду разновѣдомственныхъ элементовъ, которые стали держаться особня-

¹⁾ Квартирные деньги не полагались имѣвшимъ квартиры въ натурѣ.

комъ и составлять свои отдѣльные кружки изъ прямыхъ своихъ сослуживцевъ.

Такимъ образомъ, если принять въ расчетъ все вышесказанное, то окажется, что нашимъ дѣдамъ и отцамъ, при ихъ скромныхъ окладахъ жалованья и широкихъ замашкахъ, было бы немислимо сводить концы съ концами, если бы не имѣлось у нихъ подъ рукою добавочныхъ средствъ изъ иныхъ побочныхъ источниковъ.

Источники эти дѣйствительно существовали и были извѣстны не только главному мѣстному, но и высшему петербургскому горному начальству.

Впрочемъ, подобные источники, какъ всѣмъ извѣстно, обрѣтались въ старину и во всѣхъ другихъ вѣдомствахъ, чиновники которыхъ, также получавшіе весьма скудные жалованья, не упускали случая пользоваться ими самопроизвольно и черпать изъ нихъ такія суммы, какія оказывались необходимыми для удовлетворенія потребностей приличной извѣстному чину и положенію жизни.

Мало того, само высшее начальство нерѣдко предоставляло кому-либо изъ подчиненныхъ, такъ называемое, хлѣбное мѣстечко, съ единственною цѣлью—дать возможность поправить на немъ разстроенное состояніе или удовлетворить пристаившихъ съ ножомъ къ горлу кредиторовъ, которымъ задалживались порой чиновниками весьма крупныя суммы.

Поэтому не ради обличенія и обличенія, вдобавокъ, безполезнаго, ибо въ настоящее время не найдется ни одной, служившей при крѣпостномъ правѣ, личности, а единственно ради полноты картины былой заводской жизни, я позволю себѣ указать тѣ источники, которые служили, въ старину, горнымъ инженерамъ и чиновникамъ значительнымъ подспорьемъ къ ихъ мизернымъ окладамъ.

XIV.

Источники эти можно подраздѣлить на постоянные и временные. Къ первымъ относились:

1) Оброкъ, взиравшійся съ мастеровыхъ и работниковъ за освобожденіе ихъ на годичный срокъ отъ заводскихъ работъ и увольненіе въ разныя мѣста для частныхъ заработковъ.

Число мастеровыхъ, конныхъ и пѣшихъ работниковъ, въ каждомъ округѣ почти всегда болѣе или менѣе превышало потребность ихъ для выполненія назначенныхъ по смѣтѣ заводскихъ работъ. Вотъ

этотъ-то излишекъ рабочаго люда, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ разнаго рода ремесленниковъ, и увольнялся заводскимъ начальствомъ для стороннихъ заработковъ.

Эта чисто экономическая операція, не принося особаго ущерба дѣлу, доставляла между тѣмъ обоюдную выгоду: заводское начальство приобретало болѣе или менѣе изрядную сумму, а мастеровые и работники зарабатывали на сторонѣ значительно болѣе, чѣмъ своею работою на заводѣ, принимая въ расчетъ и уплату оброка.

2) Всѣ сбереженія, какія только удавалось сдѣлать заводоуправленію въ матеріалахъ и припасахъ, назначенныхъ по смѣтѣ на разныя заводскія производства.

Количество этихъ сбереженій представляла разность между дѣйствительными остатками припасовъ и матеріаловъ, къ концу заводскаго года, и тѣми, которые выводились въ бухгалтеріи, по конторскимъ книгамъ, на основаніи прихода-расходныхъ документовъ.

Разность эта считалась экономіей или сбереженіемъ и, будучи реализована, поступала въ личное, безконтрольное распоряженіе начальства. Послѣднее, само собою, удѣляло изъ нея извѣстный процентъ въ пользу нѣкоторыхъ служащихъ, такъ или иначе причастныхъ къ хозяйственной части завода.

3) Излишекъ въ выдѣланныхъ заводомъ металахъ.

Излишекъ этотъ происходилъ отъ похода, который полагался смотрителю металлическаго магазина, при ежедневномъ приѣмѣ съ вѣсу отъ рабочихъ выдѣланныхъ ими металловъ.

На вѣсовую скалку накладывалось заразъ до 50-ти пудовъ, изъ которыхъ одинъ процентъ, т. е. около 10-ти фунтовъ вычитался, чтѣ къ концу года, при выдѣлкѣ, напримѣръ, въ 60.000 пудовъ, давало до 600 пудовъ излишка.

Послѣдній сдавался обыкновенно, частнымъ образомъ, караванному смотрителю, который, по прибытіи въ Нижній Новгородъ, сбывалъ его желѣзоторговцамъ, а вырученныя деньги, за удержаніемъ извѣстнаго комиссіоннаго процента, вручалъ, по возвращеніи домой, или управителю или смотрителю металлическаго магазина, смотря по тому, какой степенью довѣрія пользовался послѣдній у перваго.

4) Вскрышка пустыхъ породъ на золотыхъ промыслахъ.

Дѣйствительная стоимость добычи изъ нѣдръ земли золота, главнымъ образомъ, зависѣла отъ количества его, содержащагося въ одномъ пудѣ пустой породы.

Чѣмъ значительнѣе было это содержаніе, тѣмъ меньше, для добычи извѣстнаго количества его приходилось вскрывать пустой породы, а самая добыча обходилась гораздо дешевле.

При составленіи ежегодныхъ смѣтъ назначалось впередъ, какое именно количество золота должно быть добыто и сколько кубическихъ сажень пустыхъ породъ вскрыто и свезено къ мѣстамъ ихъ свалки. Въмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлялась приблизительно и средняя стоимость золотника золота.

Само собою, что смѣты составлялись крайне осторожно, съ нѣкоторымъ запасомъ и ужъ, конечно, не въ ущербъ промысловымъ служащимъ.

Поэтому вскрышки пустыхъ породъ производилось въ натурѣ значительно менѣе, чѣмъ это значилось по смѣтамъ.

А между тѣмъ работа эта требовала наибольшихъ расходовъ, въ которыхъ, естественно, являлись довольно изрядныя сбереженія. Послѣднія, какъ подспорье къ скудному содержанію, шли въ пользу служащихъ и дѣлились между ними, сообразно съ служебнымъ положеніемъ cadaго, по усмотрѣнію мѣстнаго управителя, которому, разумѣется, доставалась львиная доля.

Хозяйственные и лично во все входившіе управители получали, въ этомъ случаѣ, значительно болѣе, чѣмъ менѣе хозяйственные и слишкомъ довѣрчившіе пріисковымъ смотрителямъ и надзирателямъ.

Усчитать же послѣднихъ, какъ непосредственно завѣдывавшихъ работами на золотыхъ пріискахъ, было чрезвычайно трудно и даже, пожалуй, совершенно невозможно.

Отвалы пустой породы, сваленные на неровной, съ ямами и оврагами, мѣстности, имѣли самыя разнообразныя и неправильныя формы, для вычисленія объемовъ которыхъ даже высшая математика оказалась бы безсильной.

5) Заводскіе караваны, или доставка водою, съ заводовъ ихъ произведеній къ мѣстамъ сбыта.

Операція эта представляла свои доходныя статьи, которыми пользовались исключительно караванные смотрители и ближайшіе ихъ помощники. Развѣ только небольшія крупныя изъ этихъ доходовъ удѣлялись ими бухгалтерамъ, охотно помогавшимъ составлять надлежащія, по формѣ, отчеты въ израсходованіи суммъ, отпущенныхъ авансомъ на разныя караванныя потребности.

Главную статью караванныхъ доходовъ представляли разнаго рода аваріи.

Сядутъ ли барки на мель, разобьются ли онѣ о подводные камни и погрузятся со всѣмъ своимъ содержимымъ на дно рѣки, потерпятъ ли путемъ-дорогою какія-либо значительныя поврежденія, тотчасъ же вызываются смотрителемъ пѣлыя артели рабочаго люда, плотниковъ, кузнецовъ и чернорабочихъ, изъ ближайшихъ къ мѣсту аварій се-

лений. Дружными усилями такихъ артелей или поднимаются замелѣвшія барки, или разгружаются затонувшія и все ихъ содержимое добывается изъ воды и складывается по близости на берегу, или тщательно исправляются и починяются поврежденные части барокъ.

За всѣ эти работы смотритель расплачивался съ артелями наличными деньгами, отбирая отъ мѣстныхъ сельскихъ властей надлежащія, въ полученіи выданныхъ суммъ, росписки.

Само собою, что каждый смотритель показывалъ въ этихъ составленныхъ имъ роспискахъ значительно большее число работавшихъ людей, а недовыданныя такимъ образомъ суммы оставлялъ въ свою пользу.

Чѣмъ больше случалось въ пути каравана разныхъ несчастій, тѣмъ выгоднѣе было это для смотрителя.

Поэтому часть, изъ числа всѣхъ указанныхъ въ отчетѣ его, аварийъ была порою вымыслена, но обставлена и оформлена какъ слѣдуетъ, съ приложеніемъ надлежащихъ росписокъ и тому подобныхъ документовъ.

Уличить въ такихъ неправильныхъ и корыстныхъ дѣйствіяхъ караваннаго смотрителя было чрезвычайно трудно и даже, пожалуй, невозможно. Находившіеся въ его распоряженіи низшіе служащіе и судорабочіе никогда бы его не выдали, ибо такъ же пользовались при этомъ кое-какими, не лишними для нихъ выгодами.

Каждый заводъ имѣлъ своего караваннаго смотрителя, завѣдывавшаго сплавомъ судовъ до того пункта воднаго пути, гдѣ всѣ отдѣльные заводскіе караваны соединялись вмѣстѣ и поступали въ вѣдѣніе и управленіе одного или двухъ главныхъ караванныхъ.

Чины окружной и заводской полиціи имѣли также свои доходы. Первые отъ частныхъ заводууправленій, которымъ за это, разумѣется, гдѣ только можно, мирволили; а послѣдніе—отъ лицъ торговаго и промышленнаго сословія, а также и отъ откупа.

Канторскіе чиновники, игравшіе нѣкоторую роль въ заводской, судебной и хозяйственной части, получали, въ свою очередь, извѣстную мзду, въ видѣ благодарности просителей за совѣты по разнымъ исковымъ, тяжбынымъ и инымъ дѣламъ и дѣлишкамъ.

Словомъ, не было такого заводскаго учрежденія, въ которомъ не нашлось бы кое-какихъ, хотя самыхъ маленькихъ источниковъ для извлеченія добавочныхъ средствъ къ получавшемуся чинами этихъ учреждений казенному жалованью.

Временнымъ источникомъ служила только одна ежегодная командировка на Нижегородскую ярмарку для закупки тамъ на весь округъ мелочныхъ припасовъ, которыхъ расходовалось каждый годъ

на десятки тысячъ рублей, и которыхъ нельзя было приобрести у мѣстныхъ торговцевъ.

Командировка эта давалась преимущественно чиновнику для разныхъ порученій, но временно пользовались ею и другіе горные чиновники, въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ встрѣчалась насущная нужда въ особомъ пособіи, какъ, напримѣръ, для сооруженія приданого къ свадьбѣ дочери, или покрытія другихъ подобныхъ, вызванныхъ житейскими обстоятельствами, временныхъ и непредвидѣнныхъ расходовъ.

Одновременно съ официально полученною такимъ чиновникомъ изъ главной конторы вѣдомостью о количествѣ подлежащихъ закупкѣ на ярмаркѣ мелочныхъ припасовъ, уже частно передавался ему смотрителемъ припаснаго магазина особый списокъ тѣхъ же припасовъ, оказавшихся въ экономіи.

Количества послѣднихъ включались въ число закупленнаго, а слѣдующія за нихъ по среднесправочнымъ цѣнамъ деньги удерживались при расчетѣ съ продавцами — аккуратно доставлялись по принадлежности.

Справка о средне-справочныхъ цѣнахъ выдавалась особымъ ярмарочнымъ учрежденіемъ, при чемъ, благодаря взяткѣ, цѣны эти показывались выше дѣйствительныхъ.

Такимъ образомъ чиновникъ имѣлъ возможность удѣлить въ свою пользу болѣе или менѣе кругленькую сумму, несмотря на то, что въ благодарность за командировку привозилъ всегда своему начальству, какъ бы въ видѣ гостинца, изрядные запасы разныхъ хозяйственныхъ продуктовъ и снадобій.

Всѣ высшіе горные чиновники и вообще разные, второстепенныя начальствующія лица пользовались еще безмездно и личнымъ трудомъ рабочаго люда.

Кромѣ полагававшихся горнымъ инженерамъ и лѣсничимъ денщиковъ, штабъ-офицерамъ по два и оберъ-офицерамъ по одному, предоставлялись еще въ полное ихъ и другихъ чиновниковъ распоряженіе, по одному или болѣе мастеровыхъ, преимущественно изъ столяровъ, портныхъ, сапожниковъ и тому подобныхъ ремесленниковъ, а также и изъ простыхъ рабочихъ, для исполненія обязанностей кучеровъ, сторожей, лакеевъ и прочей домашней прислуги.

На счетъ заводскихъ же суммъ содержался въ каждомъ горномъ городѣ довольно многочисленный и весьма недурной струнный оркестръ. Музыканты формировались изъ состава низшихъ чиновъ, которые номинально числились на разныхъ, мелкихъ конторскихъ и заводскихъ должностяхъ и получали, присвоенное тѣмъ должностямъ, содержаніе.

Расходъ на пріобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ относился обыкновенно или въ счетъ какихъ-либо заводскихъ работъ, или въ счетъ расходовъ по ремонту казенныхъ зданій и механизмовъ.

Кромѣ казеннаго жалованья, музыканты получали еще болѣе или менѣе приличную плату отъ членовъ общества за игру на ихъ балахъ, вечерахъ и любительскихъ спектакляхъ.

Изъ этой платы извѣстная, болѣе значительная, доля шла капельмейстеру, а остальная часть распредѣлялась между прочими музыкантами, сообразно искусству каждаго.

Но, если горные чиновники и пользовались разнаго рода доходами, то пользовались умѣренно и лишь на столько, чтобы имѣть возможность вести сѣзизавна установившійся на заводахъ образъ жизни. Это подтверждается тѣмъ фактомъ, что, по смерти или выходѣ въ отставку большинства инженеровъ и чиновниковъ, не оказывалось у нихъ ни крупныхъ капиталовъ, ни цѣнныхъ, недвижимыхъ имѣній.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, чиновники, занимавшіе доходныя должности въ другихъ вѣдомствахъ, сплошь да рядомъ наживали, въ старину, солидныя состоянія и пріобрѣтали прекрасныя, въ сотни душъ, помѣстья.

Не замѣчалось на казенныхъ заводахъ и той чрезмѣрной эксплуатаціи крѣпостнаго люда, какая наблюдалась въ имѣніяхъ помѣщичьихъ и районахъ прежнихъ окружныхъ управленій, гдѣ изъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ выжимались подчасъ послѣдніе соки, а сами они доводились нерѣдко до полного разоренія.

А если и встрѣчались на казенныхъ заводахъ случаи притѣсненія меньшей братіи, то это всегда было, есть и будетъ всюду, гдѣ только существуютъ начальники и подчиненные, сильные и слабые, богатые и неимущіе.

Въ подтвержденіе умѣреннаго пользованія въ старину на заводахъ разными доходами можно привести тѣ благопріятныя условія, при которыхъ приходилось служить нашимъ отцамъ и дѣдамъ.

Всѣ, безъ исключенія, заводскіе служащіе жили хозяйственно и домовито. Каждый держалъ лошадей, коровъ, козъ, овецъ и разную домашнюю птицу; каждый имѣлъ и огородъ, и покосъ, а порой и пашню, доставлявшіе ему и всѣ потребныя для домашняго обихода овощи и необходимый для скота кормъ.

Все это, вмѣстѣ съ дешевизной прочихъ предметовъ первой необходимости, позволяло имъ, при небольшихъ, сравнительно, денежныхъ затратахъ, не только вполнѣ прилично содержать семью, но и позволять себѣ болѣе или менѣе широкое радушіе—хлѣбосольство и гостепріимство.

Если послѣднія и требовали болѣе дорогихъ, привозныхъ продук-

ковъ, каковы: вина, десертъ и закуски, то и въ этомъ отношеніи заводское общество дѣйствовало разсчетливо и экономно. Всѣ эти продукты приобрѣтались изъ первыхъ рукъ, съ Нижегородской ярмарки, черезъ посредство заводскаго чиновника-коммисіонера, и обходились несравненно дешевле, чѣмъ если бы были куплены въ лавкахъ мѣстныхъ торговцевъ, у которыхъ къ тому же иныхъ изъ нихъ и вовсе не было.

Да и относительно винъ, можно сказать, что, кромѣ шампанскаго, часто и при каждомъ случаѣ употреблявшагося, остальные сорта ихъ подавались очень рѣдко, во время большихъ вечеровъ и обѣдовъ. Вообще же разныя столовыя вина съ успѣхомъ замѣняли домашнія наливки и запеканки, изъ всевозможныхъ ягодъ, между которыми особенно выдѣлялась и славилась на Уралѣ княженичная, какъ болѣе вкусная, ароматная и, сравнительно, рѣдкая.

Наливки въ каждомъ семейномъ домѣ заготавливались въ изобиліи и обходились крайне дешево, ибо водка, на которой онѣ настаивались, отпускалась всѣмъ, занимавшимъ болѣе или менѣе видныя должности, горнымъ чиновникамъ бесплатно. Мѣстный откупъ, въ этотъ случаѣ, отдавалъ распоряженіе своимъ довѣреннымъ—доставлять ежемѣсячно извѣстное количество ведеръ, или частей ихъ, каждому отдѣльному лицу, сообразно съ занимаемымъ имъ служебнымъ положеніемъ.

По поводу княженичной наливки сохранился на Уралѣ слѣдующій разсказъ.

Однажды, за обѣдомъ, въ домѣ управителя Т—ва, Глинка, въ первый разъ, попробовалъ этой наливки и пришелъ отъ нея въ восторгъ.

— Что за прелесть, выпивая и смакуя ее, проговорилъ Владиміръ Андреевичъ:—настоящій нектаръ. Откуда она у тебя, любезнѣйшій? спросилъ онъ хозяина.

— Домашняго приготовленія, ваше превосходительство, отвѣчалъ послѣдній:—лѣтъ восемь лежала въ подвалѣ. Все приберегалъ на черный день, вотъ и пригодилась.

— На черный день? Это къ моему-то приѣзду? Вотъ такъ комплиментъ. Удружилъ, любезнѣйшій!

И Глинка громко и благодушно расхохотался.

Смѣялись и остальные гости, кромѣ хозяина, который страшно сконфузился и даже струсилъ; онъ вообразилъ, что неудачное выраженіе его можетъ повредить ему по службѣ, чего, конечно, не случилось, ибо Глинка прекрасно понималъ, что выраженіе это вырвалось у Т—ва невольно и совершенно неумышленно.

Болѣе значительные расходы, которые приходится нынѣ затрачивать отцу семейства на среднее и высшее образованіе сыновей, въ

доброе старое время, можно сказать, почти совсѣмъ не существовали.

Сыновья съ 10—12-ти лѣтняго возраста отправлялись, на казенный счетъ, въ горный или лѣсной корпусъ, въ техническую школу, пробирное и Лисинское училища, гдѣ, на казенный же счетъ, не только давалось имъ среднее и высшее образованіе, но и всѣ они, за весь 8—10-ти лѣтній учебный періодъ времени пользовались тамъ и полнымъ содержаніемъ.

Слѣдовательно, родителямъ оставалось только подготовить мальчиковъ къ поступленію въ эти учебныя заведенія. А какъ подготовка эта требовала весьма немногаго, то обыкновенно поручалась какому-нибудь болѣе подходящему лицу изъ мѣстнаго учительскаго персонала.

Такіе учителя получали за свой трудъ отъ 2-хъ до 4-хъ рублей въ мѣсяцъ, смотря по тому, съ однимъ или большимъ числомъ учениковъ приходилось имъ заниматься.

Для ознакомленія дѣтей съ иностранными языками, первоначальныя знанія которыхъ требовались при поступленіи въ корпусъ, родители прибѣгали или къ помощи молодыхъ инженеровъ, или гувернантокъ, всегда почти имѣвшихся въ домахъ высшихъ начальниковъ.

Послѣдніе охотно разрѣшали своимъ гувернанткамъ давать уроки постороннимъ дѣтямъ, въ домахъ ихъ родителей, и даже у себя на дому, одновременно съ своими дѣтьми.

А если еще принять въ расчетъ, что, благодаря даровымъ ремесленникамъ, горнымъ чиновникамъ не приходилось платить за работу платья, обуви, мебели, экипажей и части разной хозяйственной утвари, которые поэтому обходились очень дешево или даже совсѣмъ ничего не стоили, то станетъ понятно, что на удовлетвореніе всѣхъ домашнихъ потребностей, включая въ ихъ число и частые приемы гостей, и балы, и прочія общественныя развлеченія, расходовались каждымъ изъ нихъ, сравнительно, весьма скромныя суммы, далеко уступающія тѣмъ, которые затрачиваются, при гораздо менѣ широкомъ образѣ жизни, современными заводскими служащими.

XV.

Контингентъ заводскаго общества, въ крѣпостное время, въ теченіе полстолѣтія, состоялъ почти изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ служилаго чиновнаго люда.

Плодятся и множась, послѣдній доставлялъ заводамъ поколѣніе за

поколѣніемъ, такъ сказать, плоть отъ плоти и кровь отъ крови своей. Поколѣнія эти, выросшія при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, сохраняли и передавали изъ рода въ родъ всѣ обычаи и нравы своихъ предковъ.

Новыхъ постороннихъ элементовъ появлялось въ заводахъ, сравнительно, такъ мало, что они естественно, не внося въ общественную жизнь ничего своего новаго, вскорѣ же поглощались ею и невольно подчинялись всѣмъ ей издавна установившимся условіямъ и требованіямъ.

Поэтому среди заводскихъ служащихъ не выдѣлялось, за все крѣпостное время, никакихъ чѣмъ-либо особеннымъ прославившихъ себя личностей.

Встрѣчались умные и не особенно далекіе, талантливые, безталанные, способные и не очень способные, но обладавшихъ выдающимися способностями въ какихъ-либо профессіяхъ или искусствахъ не встрѣчалось ни одного.

И это понятно.

Какъ и чѣмъ человѣкъ съ артистическими или научными наклонностями имѣлъ бы возможность усовершенствоваться и развить ихъ въ заводахъ, или горныхъ городахъ, гдѣ почти безвыѣздно приходилось коротать ему цѣлые годы и гдѣ не существовало ни театра, ни оперы, ни библиотекъ, ни музеевъ, ни художественныхъ галлерей, словомъ, рѣшительно ничего, что могло бы служить ему необходимыми и желанными источниками.

Положеніе такихъ людей было поистинѣ печально и почти всегда влекло за собою крайне неблагопріятныя и пагубныя для нихъ послѣдствія.

Положимъ, подобныхъ личностей, благодаря одинаковымъ условіямъ воспитанія, встрѣчалось весьма немного; но все же онѣ изрѣдка проявлялись и владели иногда долгіе годы въ совершенно чуждой имъ средѣ и обстановкѣ.

Случалось, что, не находя выхода изъ своего положенія, они предавались разнымъ вреднымъ развлеченіямъ, выкидывали рядъ всевозможныхъ эксцентричностей и слыли между сослуживцами какими-то чудаками и оригиналами.

Къ числу такого рода субъектовъ принадлежалъ, между прочимъ, и горный инженеръ Семенъ Ивановичъ Горскій ¹⁾.

Способный, развитой, остроумный, страстный любитель литературы, музыки и пѣнія, словомъ, обладавшій разными артистическими наклонностями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нетерпѣливый и легко увлекающійся, онъ не только не любилъ, но даже ненавидѣлъ свою спе-

¹⁾ Фамилія вымышленна.

ціальность и манкировалъ ею при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Вмѣсто того, чтобы посвящать свое время служебнымъ занятіямъ, онъ употреблялъ его на свои излюбленныя занятія: игралъ на гитарѣ и віолончели, распѣвалъ романсы и аріи, писалъ разнаго рода стихи и сатиры, на выдававшіеся общественные и служебные случаи, или на кого-либо изъ сослуживцевъ и знакомыхъ, принималъ горячее участіе въ любительскихъ спектакляхъ и всему этому отдавался всецѣло, но не на долго и какими-то порывами.

Не встрѣчая въ окружавшихъ его лицахъ должнаго сочувствія къ своимъ артистическимъ забавамъ, онъ нерѣдко раздражался, хандрилъ и прибѣгалъ къ обычному, въ этихъ случаяхъ, средству,—помогающему людямъ забывать на время ихъ горести и печали. Съ каждымъ годомъ онъ все болѣе и болѣе пристращался къ дарамъ Бахуса, подъ вліяніемъ которыхъ характеръ его дѣлался постепенно еще нетерпѣливѣе и несдержаннѣе.

Къ несчастію, въ одну изъ минутъ увлеченія онъ сдѣлалъ предложеніе, женился и, еще не достигши тридцати-лѣтняго возраста, былъ уже семьяниномъ. Къ женѣ, обыкновенной заводской барышнѣ, съ скуднымъ домашнимъ образованіемъ и ограниченнымъ развитіемъ, онъ вскорѣ же охладѣлъ, и семейная жизнь ихъ шла очень не гладко и оставляла желать многого.

Не любившій горнаго дѣла и крайне нерадиво къ нему относившійся, Горскій естественно не могъ преуспѣвать по службѣ и постепенно отставалъ, въ этомъ отношеніи, отъ своихъ товарищей и сверстниковъ. Это еще болѣе раздражало и на столько озлобляло его, что онъ спѣшилъ скорѣй излить свою злобу въ остроумныхъ сатирахъ, безпощадно громившихъ всѣхъ, безъ разбора, и товарищей, и начальство.

А сколько всевозможныхъ, забавныхъ, нелѣпыхъ, а подчасъ и дикихъ выходовъ, и по службѣ, и въ обществѣ, и дома, выкидывалъ онъ въ своей жизни—трудно и перечестъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Помощникомъ управителя промысловъ, гдѣ Семенъ Ивановичъ уже нѣсколько лѣтъ занималъ должность смотрителя, былъ назначенъ Андрей Петровичъ Карышевъ ¹⁾, который былъ значительно моложе его по выпуску.

Согласно прежней военной дисциплины и субординаціи, всѣ смотрители, по пріѣздѣ новаго помощника управителя, спѣшили ему представиться. Но Горскій не поѣхалъ. Это показалось обиднымъ Карышеву, и онъ пожаловался управителю.

¹⁾ Фамилія вымышленна.

— Вѣроятно, онъ не былъ извѣщенъ о вашемъ прїѣздѣ, сказалъ на это послѣдній.

— Этого я не знаю.

— Навѣрно. Я распоряжусь.

И, вотъ, по приказанію управителя, изъ заводской конторы было послано Горскому предписаніе, съ увѣдомленіемъ, что вновь назначенный помощникъ управителя, капитанъ Андрей Петровичъ Карышевъ, прибылъ къ мѣсту служенія и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Семень Ивановичъ, получивъ это предписаніе, прочелъ его, усмѣхнулся и настрочилъ слѣдующій рапортъ:

„Изъ предписанія конторы, отъ такого-то числа, за такимъ-то номеромъ, мнѣ стало извѣстно, что сюда прибылъ нѣкій Андрей Петровъ Карышевъ, о чемъ и имѣю честь донести конторѣ“.

Отославъ такой рапортъ, самъ же, все-таки, не поѣхалъ явиться къ Карышеву.

Къ этой выходкѣ, которая не прошла бы безслѣдно для всякаго другаго, ближайшее начальство отнеслось крайне снисходительно и только невольно усмѣхнулось.

Въ другой разъ, будучи командированъ на развѣдки, нѣсколько недѣль прожилъ онъ въ небольшой деревнѣ, занимая горницу при избѣ промысловаго рабочаго.

Одолѣваемый, въ часы досуга, страшною скукою, онъ сталъ чуждъ тамъ, не переставая.

Подкрадется осторожно къ какой-нибудь одиноко сидѣвшей бабѣ и нугнетъ ее выстрѣломъ изъ пистолета; или заберется ночью въ огородъ и закричитъ дикимъ голосомъ „караулъ“ и тѣмъ взбаламутитъ и подниметъ на ноги чуть не всю деревню.

А однажды, зайдя въ избу къ хозяйкѣ, старушкѣ Маремьянѣ, и, не заставъ ее, вздумалъ отъ нечего дѣлать произвести у нея нѣчто въ родѣ ревизіи.

Осмотрѣвъ всѣ уголки, всю домашнюю утварь, подошелъ онъ, наконецъ, къ русской печи, открылъ заслонку и заглянулъ въ ея внутренность. Печь оказалась уже истопленной, оставшіеся и частью еще раскаленные угли загребенными къ сторонкѣ, а на поду печи стояли пироги, горшокъ съ щами и латка съ курицей, которые готовились хозяйкой къ обѣду своего постояльца.

„Постой-ка, подумалъ Горскій: я тебѣ сюрпризъ устрою“, и, быстро сбѣгавъ въ свою горницу, вернулся съ небольшой картонной коробкой пороха, уложилъ ее въ печь, за горшокъ, а самъ скрылся на палатахъ.

Ничего не подозрѣвавшая старуха является въ избу, подходитъ

къ печи, беретъ ухватъ и начинаетъ подвигать горшокъ съ щами къ жару, т. е. къ углямъ, а вмѣстѣ съ нимъ къ нимъ же придвигаетъ и коробку съ порохомъ.

Едва успѣла Маремьяна отойти отъ печи и закрыть заслонку, какъ вдругъ раздался сильный взрывъ, и все содержимое печи полетѣло изъ нея вонъ, разбивая оконныя стекла и рассыпаясь всюду по избѣ.

Старуха страшно перепугалась, стоитъ, трясется вся и недоумѣло бормочетъ:

— Съ нами крестная сила! Мать, Пресвятая Богородица!

А Горскій лежитъ на палатахъ и заливается хохотомъ.

А то еще возвращался онъ, темной зимней ночью, въ крытой кибиткѣ изъ дальняго пріиска домой. Дорога была скверная; лошади шли вяло, и терпѣніе Семена Ивановича стало истощаться.

Вынуть часы, чтобы рассчитать,—долго ли еще придется ѣхать,—онъ, въ темнотѣ, кромѣ чуть бѣлѣвшагося циферблата, конечно, ничего не увидѣлъ. Ужъ онъ вертѣлъ часы и такъ и этакъ, усиленно напрягая зрѣніе, но все напрасно: стрѣлокъ на часахъ различить не было никакой возможности. Сильно раздраженный и безъ того скверной дорогой и медленной ѣздой, тутъ ужъ Горскій не выдержалъ и страшно раскипятился.

— На кой-же вы чортъ, проклятые, коли времени указать не можете! крикнулъ онъ и швырнулъ часы, вмѣстѣ съ цѣпочкой, въ лежавшіе по краямъ дороги, сугробы снѣга.

Хотя на другой день и послано было ихъ разыскивать, но напрасно: они такъ и пропали.

Не мало продѣлывалъ Семенъ Ивановичъ подобныхъ эксцентричностей; не мало выпустилъ на свѣтъ Божій прекрасныхъ и остроумныхъ стиховъ и сатиръ, мѣткихъ словечекъ и эпитетовъ, награждая ими, кого придется—и знакомыхъ, и родныхъ и ближайшихъ начальниковъ.

Немудрено, что такія наклонности и свойства характера мало способствовали служебнымъ успѣхамъ Горскаго.

Изъ этой артистической, крайне способной и даже, можно сказать, талантливой натуры могъ бы выработаться, при иныхъ условіяхъ, недурной поэтъ, сатирикъ, музыкантъ, актеръ, словомъ, все, что угодно, но только не горный инженеръ, которымъ сдѣлала его судьба совершенно случайно.

Прослуживъ двадцать лѣтъ и не достигнувъ за это время даже капитанскаго чина, Семенъ Ивановичъ вынужденъ былъ выйти въ отставку и распрощаться навсегда съ горнозаводскою службою.

Конечно, какъ въ семьѣ встрѣчаются порой уроды, такъ и среди

заводскаго общества встрѣчались разные чудаки и оригиналы, но такихъ, какъ Горскій, не было ни одного.

Но вотъ наступила знаменитая эпоха — освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Большая часть разныхъ отдѣльныхъ частей управленія, которыя, въ крѣпостное время, были подчинены одному только горному начальству, распредѣлились уже между другими вѣдомствами. Стали появляться на заводахъ новыя лица, съ новыми взглядами, привычками, требованіями, а одновременно съ этимъ стала постепенно видоизмѣняться и заводская общественная жизнь, которая, въ концѣ концовъ, сдѣлалась неузнаваемой и почти во всемъ одинаковой съ общественною жизнью всѣхъ вообще большихъ и малыхъ городовъ Россійской Имперіи.

Ал. Корельскій.

2 марта 1905 г. г. Пермь.

